Очерк боевой жизни ахалтекинского отряда

А К Гейнс

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

(Из №№ 6,7,8, 9, 10 и 11 «Военного Сборника» за 1882 год).

- I
- II
- III
- IV
- V
- VI
- VII
- VIII

I

Краткий очерк ахалтекинского оазиса. — Сбор наших войск в Самурском укреплении. — Жизнь в отряд. — Приготовление текинцев к упорной борьбе и выбор четырех ханов главными предводителями. — Сила нашего отряда. — Сборы перед выступлением. — Рекогносцировка 18-го декабря. Диспозиция штурма Янги-калы — Позиция текинцев. — План дли овладения ею.

Ахалтекинский оазис начинается от казанджикских колодцев, богатых вкусною водою, или, еще вернее, от речонки Узун-Су, и тянется вдоль горной гряды Копетдага, направляющейся от северо-запада к юго-востоку. Множество маленьких горных потоков, стекающих с северных склонов гряды, почти параллельно пересекают его и текут до тех пор, пока не исчезают в песках. Эти незначительные резервуары, разбираемые по полям и садам для поливов, исчезают скоро. Отсюда ясно, что плодородный, незнающий засухи ахалтекинский оазис представляет узкую полосу земли от тридцати до пятидесяти верст шириною, огражденную с одной стороны горами, а с другой песчанкою степью.

Равнины ахалтекинского оазиса до Асхабада. Во время жаров, поздней осени и зимы, при отсутствии зелени, как в местах лишенных растительности, так и покрытых степным, колючим кустарником (саксаулом), по виду безраздельно сливаются с соседними песками. Как исключение можно указать на те изредка встречавшиеся незначительные сады из фруктовых и тутовых деревьев, которые служили нам указателями мест, где поселение было гуще. Горы, благодаря общему свойству их менять свой вид в зависимости от изменения освещения и температуры, и здесь своею декоративностью значительно изменяют безотрадный вид песков: красив бывает Копетдаг, когда безлесные скаты его, изрезанны бесчисленным количеством промоин, яркими и темными змееобразными полосами, пестро разрисовываются по серо-бурому глинистому фону; еще красивее когда, при закате солнца, он одевается в **[2]** фиолетовую и голубую мглу, когда сквозь редкий туман и в лунную ночь красуются слабые силуэты его вершин, когда зимними снегами окаймляется только его хребет и гряда гор белой извилистой чертой ярко отделяется от темно-голубого неба или выглядывает из густых спустившихся облаков. Не маловажна и реальная польза от близкого соседства этих гор: в ущельях их встречаются леса и травы, которые можно косить до июля месяца, а ветер с юго-запада и юга освежает

воздух даже в самые жаркие дни.

Есть и характерная особенность оазиса, которые заключается в постройках, встречающихся от Казанджика, или, иначе, от начала палатных полей и покрывающих далее все его пространство: один род этих построек представляет укрепления, называемые калами, а другой — глиняные столбики, местами густо пестрящие поля, — межевые знаки.

За малым исключением все калы устроены одинаково: укрепления эти род редутов, огороженных тонкими стенами, доходящими до трех, а иногда и более аршин высоты и слепленных из глины, о которую в этом виде плющатся свинцовые пули, а для флангового обстреливания фасов пристроены круглые башни к углам либо диагонально противоположным либо ко всем четырем. Внутри каждой калы находится редюит. Рвы вокруг укреплений встречались не всегда; зубцы же на стенах, которыми в нашей иллюстрации постоянно украшаются фантастические укрепления текинцев, не существуют ни на одном укреплении кран.

Глиняные же столбики в два и три аршина высотою служили, как сказано, межевыми знаками; но большие из них, в виде башенок с пустотою внутри и амбразурами во все стороны, исполняли должность сторожек. Многие из них, стоя вдали от движения наших войск, вероятно, служили неприятелю и для скрытного надзора за нами.

На пути по обезлюженному краю встречались нам пространства с очевидным признаком ушедшего многолюдного населения: центром таких мест бывали обыкновенно калы; вокруг теснилось много конусообразных, кубических и другой формы глиняных слепков в виде жилишь, но тесное внутри их помещение и расположение их без дворов указывали на полное отсутствие прочной оседлости; за этими жилищами следовали садики, тщательно разработанные огороды, поля, разгороженные на **[3]** участки глиняными стенками и омываемым водяными проточными канавами.

Такого характера местность провожала войска наши во все время похода; но когда, по взятии Денгли-тепе, часть отряда двинулась в Асхабад, то там мы в первый раз встретили обширные сады и виноградники. Смотри на эту густоту деревьев, стоявших еще без зелени, как-то не верилось, что в близком соседстве находится безграничное море передвижных песков.

Вот эти то родные, плодородные поля текинцы решились оборонять до последней крайности и, оставивши свои дома, сосредоточились в Денгли-тепе еще в ноябре месяце.

30-го ноября 1880 года генерал Скобелев, заняв Батыр-калу,

названную впоследствии Самурским укреплением. Стал лицом к лицу с многочисленными скопищами текинцев. Рекогносцировки 4-го, 11-го и 12-го декабря были последними; во время их исправлены прежде набросанные планы окрестностей Денгли-тепе и Янги-калы, окончательно изучена местность и в принципе решено приступить к овладению неприятельской позиции. Начали стягивать войска. Зловещая для противника туча росла с каждым днем.

В ахалтекинском походе обыкновенно бывало, что при более или менее продолжительной остановке, отряд обставлялся разного рода казенными складами, армянскими лавочками и, таким образом среди безлюдья, в непродолжительном времени позиция его сравнительно с другими тыльными постами, обращалась в столицу; так случилось и в настоящее время: продолжительное главенство Бами стало похищаться Самурским укреплением. Сосредоточение большого количества войск приманило армян-торговцев, вызвало из Бами все склады, а затем казначейство, интендантство, почту, госпиталь, Красный Крест и другие учреждения. Народу от ежедневно прибывавших частей становилось все больше и больше. Жизнь, насколько возможно, разнообразилась и проводилась не скучно: музыка гремела по целым дням; песни в разных концах лагеря, заздравные возгласы в громких и веселых товарищеских пирушках разносились по всей позиции.

В это же время, только в двенадцати верстах восточнее Батыр-калы, там, за видневшейся вдали темной, длинной полосой стен Денгли-тепе, из-за которых возвышался высокий курган, кипела другая жизнь: масса народа, черневшего на стенах, и партии конных, скакавшие в разные стороны и постоянно **[4]** покрывавшие курган, показывали, что нас стерегут, нас ждут и надеются отравить; там, как видно, все готовилось к отважной встрече. Потом мы узнали, что у них к этому времени было все приведено в посильный порядок: жители каждого аула, составляя как бы административную единицу, находились под начальством своего аульного старшины и, не перемешиваясь с жителями других селений, занимали по стене свой определенный участок. Для руководства общим ходом обороны, народом были избраны четыре хана: Махтум-Кули-хан принял начальство над поставленными защищать северо-восточный угол и прилегавшую часть восточной стены; при нем помощником состоял Текма-Сардар. Расположенными за этою частью стены, которая впоследствии была взорвана, заведовал Азрат-Кули-хан. Назначенными для обороны южной и юго-западной стены предводительствовал Ораз-Махмет-хан и наконец Махмет-Кули-

хан со своим помощником Софи-ханом стояли во главе занимавших стены перед курганом.

Очевидное для всех их численное над нами превосходство с одной стороны, а с другой — воодушевлявшие их призывы к отчаянной обороне набожного старца Керим-Верды-Ишама, который впоследствии с Кораном в руках был убит на стене артилллерийским снарядом, внушали им полную уверенность в успехе предпринятого решения биться с русскими.

Близость нашего расположения к неприятельской позиции давала возможность более любопытным следить за всем, что происходило в лагере противника; каждый из наблюдавших старался отгадать причину малейшего движения, делал свое замечание и многими из них задавались вопросы: «примут ли они наш вызов на бой или нет?» Отсюда понятно, какую тревогу они поднимали, когда замечали большие партии, уходившие в пески.

Между тем колонна за колонной продолжали прибывать в Самурское укрепление. Кроме кавказских войск, к составу отряда, 15-го декабря, примкнул еще небольшой туркестанский, который, под начальством полковника Куропаткина, только что сделал переход через соседние пески напрямик.

16-го декабря, вторник

Долго утешавшая нас прекрасная погода с утра изменилась на дождливую.

В этот день, не откладывая долее, генерал Скобелев решил начать подготовительные занятия и действия в виду предстоящих серьезных столкновений с противником. В руках у него было уже 29 рот, 65 орудий, 6 эскадронов и сотен, всего **[5]** 3,520 штыков и 650 сабель. Остальные должны были прибыть дня через два.

17-го декабря, среда

Серое, дождливое и холодное утро не имело силы остановить торопливую деятельность, возбужденную известием, что движение вперед решено дня через два или через три: офицеры бегали в штаб справляться о назначени частей войск, в канцелярских усиленно заскрипели перьями по разным требованиям, артилллерийский и интендантский склады работали без устали над отпусками, фургоны двигались по всем направлениям — и вообще кипела жизнь, поголовно захватывавшая всех. В такой хлопотне прошел целый день и только с последними звуками вечерней зари притихло все.

18-го декабря, четверг

После долгой, темной ночи, в продолжение которой текинцы,

по обыкновению, подкрадывались и стреляли по лагерю, опять четыре хора музыки в разных концах лагеря, в разброд, среди целого хаоса звуков труб, рожков и барабанов, зарею встретили неприветливое утро.

Холодно; только три градуса тепла; сквозь туман продолжает моросить самый надоедливый дождик; кругом слышится шлепанье по грязи… Казалось, кому охота выходить из юломейки, а выглянешь — все та же жизнь: как вчера, любознательные наблюдатели, один сменяя другого, пристально глядят на Денгли-тепе в подзорную батарейную трубу; как вчера, раздаются везде шум, крик и отдаваемые приказания и вечно движущиеся, расторопные фельдфебеля, бойко шлепая по грязи, шмыгают во все стороны. Но к полудню штиль, родивший дождь, заменился порывистым восточным ветром и тучи стали раздвигаться.

Среди всеобщего настроения о скором выступлении, естественно, вызывалось общее внимание ко всему, что намекало на движение вперед: так, не без любопытства публика стала наблюдать за сбором казаков, сходившихся на поляну восточнее лагеря. Вскоре, полученное от генерала Скобелева приглашение всем начальникам принять участие в рекогносцировке разъяснило все.

Около двух часов пополудни, вдоль фронта пяти сотен казаков, проехал командующий войсками, окруженный всеми начальниками частей, составлявших отряд. Как только после ответа на приветствие казаки успели зайти плечом, сформировать колонный строй для резерва и выслать конную цепь влево, как раздался сигнал ***рысью***. Плавно понеслись сотня за сотней, затем **[6]** слегка наклонился вперед широкий значок генерала Скобелева, и офицеры тронулись за ходким аргамаком своего предводителя. Быстро уходил от нас лагерь, а стены Денгли-тепе становились все яснее и выше. Недоумевавши текинцы высыпали все наверх. После четверть часового хода шагом, труба опять сыграла рысь и вскоре впереди себя мы увидали редко рассыпавшихся всадников, готовых открыть огонь. Текинское орудие с кургана дало уже четвертый выстрел, выражавший у них тревогу и призыв людей с песков. С визгом первых пуль колонна перешла на шаг и продолжала подвигаться, направляясь на Янги-калу.

Количество действовавших против нас сначала немногим превышало численность казаков, а выстрелы, разбросанные по всей цепи фронта и левого фланга, казались не особенно частыми.

Дойдя до валика, с которого можно было видеть всю переднюю линию позиции, выбранную для первого удара в

предстоящем наступлении, генерал Скобелев слез с лошади; за ним слезли и мы. Развернув план Янги-калы, он пригласил к себе всех начальников; указывая пункты на местности и соответствовавшие им изображения на карте, совершенно отчетливо выяснил диспозицию предполагаемого штурма 20-го декабря; ясность, осторожность и простота излагаемых действий были до того доступны понятиям всех, что не только предлагаемый план был усвоен с первого раза, но и внушил всем веру в удачный исход дела.

Не изменяя смысла диспозиции, ее можно передать без подробного распределения войск. Весь отряд делился на три части: большая треть и вся кавалерия составляли главные силы, начальство над которыми принял на себя генерал Скобелев; другие две поручались полковникам Куропаткину и Козелкову. Для овладения позицию Янги-калы, штурмовая колонна полковника Куропаткина выступает раньше и, заходя со стороны гор, обхватывает ее слева, а полковника Козелкова, выступив с данными силами, идет вместе с ними, направляясь на Денгли-тепе, потом быстро отделяется к Опорной кале, штурмует одновременно с полковником Куропаткиным позицию с фронта и затем, за калами, все колонны соединяются, выбрав позицию для лагеря.

Некоторый второстепенные заметки диспозиции тоже не лишены интереса: строга воспрещалось ею вступать в рукопашный бой; если оборона будет упорная, то приказывалось закладывать позицию постепенно, по кварталам, переходя от одной стенки к [7] другой и очищая следующее пространство залпами из ружей и пальбой из картечниц и горных орудий; с этою целью орудия эти придавались пехоте, которая обязывалась таскать их с собою.

— Хорошо ли вами поняты, господа, мои желания и распределения? — сказал, генерал Скобелев, окончив разъяснение диспозиции, — заявите теперь, всякое сомнение легко разъяснить здесь, на месте, помните, что мы последний раз осматриваем эту позицию, двадцатого числа надо будет уже действовать.

Последовало несколько вопросов; затем, несмотря на общее уверение в ясности диспозиции для каждого, составитель ее хотел еще лучше ознакомить нас с местностью и рысью двинулся вперед еще шагов на двести: когда бугры, скрывавшее задний план позиции, уже больше не препятствовали, он сделал еще несколько замечаний относительно обходной колонны и потом велел отступать.

Между тем пальба без перерыва кипела по всей линии; в

некоторых местах текинцы пробовали даже напирать, но запрещение генерала Скобелева ввязываться в бой делало наших казаков только стойкой оградой.

На приказание отступать, граф Орлов Денисов, командовавшей кавалерией, только показывал вид, что приступает к исполнению: казаки как-то странно ворочались, делая круги на одном месте… «Да прикажите отступать!» вскрикивал несколько раз Скобелев: после этого казаки шевелились больше, а отступления все не было заметно. Все сочувственно отнеслись к этому непослушанию, как к нежеланию открыть командующего войсками метким пулям текинцев; наконец, словно догадавшись, генерал Скобелев повернул коня назад и все тронулось с места.

В этой рекогносцировке принял участие и генерал-лейтенант Анненков.

При нашем возвращении, сначала текинцы наседали не сильно, но когда наша цепь отошла от валика шагов на пятьсот, они бросились занимать его, быстро перебегая и подвозя по два стрелка на одной лошади. Несколько минуть после этого пули завизжали чаще.

— Ваше превосходительство, вы ранены! — заметил кто-то из офицеров генералу Анненкову, увидев, как пуля пробила правый его рукав. Генерал уехал на перевязку. Вероятно, быстрота, с которою пуля пролетела близкое расстояние, на первый раз не дала почувствовать ему боль. **[8]**

Когда возвратились в лагерь, было уже поздно, играли вечернюю зарю.

Вслед за не дождливым днем, наступила такая же, но только темная, облачная ночь. Текинцы опять стреляли по лагерю и опять, спокойно выспавшись, отряд с рассветом принялся за окончание укладки и сборов к выступлению.

19-го декабря, пятница. Утро и день проведены были, как проводит, обыкновенно собирающийся в дорогу.

Часа в четыре пополудни, начальники были снова приглашены к ставке командующего войсками. Там вторично была прочитана диспозиция с серьезным подтверждением, чтобы, в случае близких схваток с неприятелем, не допускали солдат биться штыками, до чего они большие охотники: «не надо давать неприятелю того, чего он желает», прибавил генерал Скобелев, оканчивая беседу о завтрашнем штурме.

Войск, продолжавших прибывать ежедневно, к вечеру этого дня собралось почти все то количество, которое, за необходимым расходом, должно было составить нашу действующую силу, а

именно: 35 рот, 7 эскадронов и сотен, 67 орудий и 2 ракетных станка; всего 4.020 штыков и 750 сабель. Все верили в достаточность этой силы, и приступ к настоящим военным действиям делался с полною надеждою на успех.

Не входя в рассуждение всей нелепости плана текинцев — запереться в большую коробку Денгли-тепе и, сидя в ней, дать нам генеральное сражение, рискуя, в случае, если победа останется на стороне осаждающего, нанести смертельный удар всему населению, нельзя не сказать несколько слов о выбранной текинцами позиции, под прикрытием которой они решились остановить ваше наступление.

Вдоль всего оазиса не встречается такой массы сгруннированных в одном месте укреплений, мельничных плотин, полевых стенок, оврагов и промоин, сколько увидели мы в двенадцати верстах восточнее Батыр-калы. Вот это-то место, изобилующее описанными местными преградами, и выбрали текинцы своею стратегическою перегородкою. Как видно, не мало времени и трудов потратили они для достижения цели сделать его непроницаемою. Войска экспедиции 1880–1881 годов застали эту позиции текинцев в следующем виде: укреплением Денгли-тепе (оно же Геок-тепе) усиливался центр этой позиции как крепким ключом, так как, при толстых и высоких стенах, оно занимало более **[9]** версты в длину и более полуверсты в ширину. Между этою текинскою крепостью и горами все пространство, изрезанное преградами, составляя левый фланг позиции противника, было застроено крепкими обширными калами; по имени большей из них, Янги-калы, было названо нами и все пространство до подошвы гор, а правсе, верстах в двенадцати, у самых песков, находилась старая их кала — Геок-тепе.

Будь текинцы более знакомы с приемами и действиями регулярной армии, хоть ради того, чтобы лучше понимать цель каждого движения, то, при своей многочисленности, может быть и достигли того, что линия этих преград оказалась бы предельной границей нашего наступления.

В руках генерала Скобелева был выбор пункта для нападения на эту растянутую позицию неприятеля, и он принял систему — не торопясь, прочно, бесповоротно отнимать ее у противника по частям: сначала решил овладеть укреплениями левого фланга Янги-калы и затем уж, повернувшись фронтом к крепости, начать осаду, обхватив южный выдающейся угол. Лучшее решение трудно было придумать: обложение самого узкого фронта крепости только и было возможно нашему малочисленному отряду. Став против южного угла, а тылом к горам, мы оберегали

сообщите с Персией через Гермауское ущелье и, таким образом, могли свободно подвозить скупленные в Персии ячмень и муку; при таком расположении войск, охранялись источники рек, отрезалась текинцам прямая дорога в Асхабад, а в военном отношение только с южной стороны крепости и была ровная местность с твердым грунтом; с трех же остальных сторон были песчаные курганы, не удобные для рытья траншей и могущее давать возможность скрытно подходить к нашему расположена для производства нападений с тыла и флангов.

Итак, завтра должно начаться разрешение спорного вопроса: или многочисленность противника не допустить нас идти дальше, или горсть наших молодцов с хорошим вооружением, значительным числом орудий, за прежний должок подведут такой расчет, после которого некому будет продолжать оборону оголенного оазиса.

Вечером все было готово к выступлению. Крайне незначительная часть войск, оставляемая в Самурском укреплении, не могла бы, в случае нападения, защищать всю занимаемую нами позицию, **[10]** вследствие чего приказом по отряду велено было все остающееся перенести в укрепление.

Кибитки и юломейки были сняты и на месте лагеря раскрылись широкие поляны, на которых, прикрывшись полостями, улеглись наши молодцы на ночлег под открытым небом.

II

Выступление отряда и занятое Янги-калы 20-го декабря. — Специальная рекогносцировка текинской крепости на другой день. — Занятия 22-го декабря. — Изменение манера действий текинцев. — Передвижение войск ночью с 22-го на 23-е декабря. — Выступление колонны генерала Петрусевича. — Неожиданный по ней залп. — Начало боя. — Первая попытка ворваться в калу. — Смерть генерала Петрусевича. — Занятие части калы. — Закладка первой параллели.

20 декабря, суббота

Было около четырех часов. До рассвета еще далеко, но сонных уже не было, и говор кругом, сливаясь в какой то сплошной ропот живого моря, то в одном, то в другом месте стал через несколько времени перерываться громкими возгласами: «Здравия желаем, ваше благородье!» Впотьмах строилась пехота и запрягались орудия. Вскоре силуэты без шума двигавшихся рот по разным направлениям и тихий грохот колес, раздававшийся то ближе, то дальше, показывал, что сбор войск уже начался. Всё сходилось к одному месту. В это время розовые каемки облаков и едва проясняющаяся части неба между облаками, на столько обрисовывали ближайшее предметы, что давали возможность сбирающимся не находить и не наезжать на своих. Рассвет обещал хорошую погоду; солнце, которого давно не видали, весело настроило войска. Собравшиеся в одно место пехота и артилллерия сами кое-как разместились в несколько линий. Раздававшиеся крики рабочих, вытаскивавших в разных местах застрявшие фургоны, давали знать, что не скоро подтянем свой хвост.

Часов в десять перед строем подавался генерал Скобелев; войска точно повеселели, здороваясь с тем, кому охотно доверялись перед боем. Быстро обскакав колонны, он вызвал знамена перед середину и приказал начать молебен.

Едва после отбоя знамена разошлись по батальонам, как с левого фланга выдвинулись вперед восемь рот пехоты, две сотни казаков и десять орудий, составлявших колонну полковника Куропаткина, и безостановочно пошли они по указанию диспозиции, придерживаясь подошвы гор. Прочие части остались на месте. **[11]**

Хорошо освещенные войска наши, без сомнения, были отчетливо видны текинцам, собравшимся на стенах своей крепости: видели они, как с обнаженными головами, всем

отрядом преклоняли колена; видели, как часть войск, отделившись от общей массы, двинулась в их сторону, что заставило выстрелами из пушки поднять тревогу. Через час дождались движения и остальных войск.

Действительно, колонна полковника Козелкова, примкнув к главным силам, вместе составила довольно внушительную силу; артилллерия, двигаясь по две и по три батареи в одной четырех-орудийной колонне, своими хвостами упиралась в арьергард, а уступом слева шла вся кавалерия с конно-горным взводом. Два хора музыки, играя без перерыва по очереди марши, заставляли всех идти в ногу, и трехтысячная масса стройнее, чем войска на любых парадных маневрах, двигалась прямо по направлению к кургану.

Незаметно и легко прошли так около шести верст; в это время донесшийся справа орудийный выстрел показал, что колонна Куропаткина открыла действие; за ним, на темном фоне гор заклубилось второе облако ярко-белого дыма и началась редкая орудийная пальба, а колонна, при которой находился генерал Скобелев, продолжала по прежнему идти стройно и быстро, точно пред решительным ударом.

Текинцы в недоумении глядели на наши действия: не отделяя сколько-нибудь значительных сил для противодействия колонне Куропаткина, они ясно выказали, что придают ей значение не более как демонстрирующей части войск, и что всю опасность видели в колонне, двигавшейся на их укрепление, вспоминая, вероятно, при этом, что в 1879 году уже был произведен штурм с налета, а потому они, облепивши верхи стен, чернели, как мухи на бортах блюдечка с чаем. Но каково было их изумление, когда, не доходя верст трех до стены, колонна Козелкова быстро двинулась направо и, став против Опорной калы, начала немедленно обстреливать ее; когда затем вся остальная часть пехоты с артилллериею, составлявшая главные силы, передвинулась еще правсе, расположившись резервом для обеих колонн и оставив на месте всю кавалерию!

Поняли и текинцы в чем дело: бегом двинулись было толпы к угрожаемые калам; вдали виднелись скачущие; имевшие по другому всаднику на крупе лошади, но все это было поздно **[12]** шрапнель горных орудий, находившихся в первой линии, и залпы пехоты были уже хорошей преградой. Таким образом, благодаря простому демонстративному движению на крепость, мы встретили незначительное сопротивление со стороны укреплений штурмуемой позиции: только вышедшие из крепости толпы, вооруженные ружьями, открыли по нам довольно частую стрельбу, посылал по временам и ядра из своей единственной

пушки.

Колонна Козелкова, выжидая появления фланговой, медленно подвигалась вперед, обстреливая все калы; но как только, около трех часов, генерал Скобелев подал сигнал: «все» и «наступление», обе колонны с музыкой двинулись вперед, оставляя резерв на месте, а головные части кавалерии, которые были на это время поручены графу Орлову-Денисову, по слову Скобелева кинулись в промежуток между наступающими колоннами и Денгли-тепе; не встретив кавалерии, они наскочили на, засевшую в глубокой промоине, пехоту и часть ее осталась на месте.

Дело это кончилось взятием Янги-калы и затем выбором позиции для лагеря фронтом к крепости; но пока штурмовые колонны устанавливались на ней, из резерва 3-й и 4-й батареям 19-й артилллерийской бригады и нескольким ротам было приказано развернуть фронт налево и действовать по крепости и по вышедшим вперед толпам. Пушка текинцев продолжала стрелять к по развернувшимся вновь батареям, но как спрятанная за траверзом, она не встречала ответов из наших орудий; тяжелее было для густонаселенной крепости терпеть от разрыва наших гранат, и артилллерия кидала их во внутрь, за стены. Сзади этой боевой позиции прошли все войска резерва и весь обоз отряда; когда же окончили постройку мостиков и обделку спусков через речонки и овраги, тогда сняли с позиции и последние части войск.

Уже вечерело, и быстро кипела работа над окопкой лагеря; к сумеркам траншейная насыпь уже окружала всю нашу позицию.

Первый раз отряд наш, расположившись прочным лагерем под Денгли-тепе, начал знакомить текинцев с обычаями нашей боевой жизни. Чуть начало темнеть, как, по обыкновению, поднялся знакомый гам: рожки, трубы и барабаны заиграли повестку. Затем все притихло; прошло минут пять, и за мелькнувшим ярко сигнальным выстрелом грохнул залп из сорока орудий и вслед за ним раздался отдаленный треск рвавшихся в крепости гранат. Запомнили текинцы с первого раза, что у нас обычай стрелять перед вечерней зарей, и сильно боялись они этой минуты. **[13]**

Простой, обдуманный маневр был причиною незначительной потери: один убитый и десять раненых были нашей платой за победу.

Этот маневр остался у всех в памяти не только ясностью цели каждого шага, каждого поворота, но и своим красивым видом при исполнении, стройностью, порядком, отсутствием крика начальников и спокойствием движения в районе полета пуль.

Холодная, ясная ночь покрыла нас на новосёлье. Закутавшись полостями, артилллерийская прислуга точно исчезла в своих ровиках; только одни орудия, наведенные в середину укрепления, торчали поднятыми жерлами из-за свежей насыпи.

21 декабря, воскресенье

Еще более холодный рассвет рано поднял отряд на ноги. За неимением дров и углей, все глазами измеряли положение солнца, ярко выкатившегося над горизонтом, и с нетерпением ожидали, скороли подымится оно на такую высоту, с которой могло бы отогреть окоченелые члены. Около восьми часов температура стала мягче; все вышли из палаток и юломеек погреться на воздухе. В это время восточнее лагеря начал собираться отряд из 6 сотен и двух орудий: к девяти часам два эскадрона драгун, две сотни Таманского, одна Полтавского и одна Лабинского полков, с конно-горным взводом уже были выстроены, встретили генерала Петрусевича и направились с ним прямо, параллельно восточного фаса.

Окончательный осмотр расположения крепостных степ, траверзов, выходов, разных пристроек и нанесение всего этого на карту составляли главную задачу этой рекогносцировки. С этою целью при генерале Петрусевиче находились начальник инженерной части, подполковники Рутковский, и топограф.

Медленно подвигался к северу наш летучий отряд, давая время делать заметки; а текинцы, имевшие винтовки, спешили на вал и, усиливал стрелявших, все сильнее и сильнее осыпали пулями обходящую крепость колонну; когда же она скрылась за противоположную, северную стену частая, отдаленная трескотня ружейной пальбы, изредка прерываемая глухими раскатами орудийных выстрелов, дошла до скорости барабанной дроби.

В лагерях все внимательно прислушивались к этой музык; генерал Скобелев, чтобы предупредить такое положение рекогносцирующих, взяв 3-ю батарею 19-й артилллерийской бригады, 1-й батальон Самурского полка и сотню оренбургских казаков, пошел на встречу Петрусевичу, направившись параллельно западной стены. Дойдя **[14]** до песчаных курганов, колонна остановилась, батарея снялась с передков в шагах восьмистах от стен и открыла огонь в тыл стреляющим по нашему отряду. Этим заметно ослабили порыв текинцев, предполагавших себя обеспеченными внутри крепости. Около двух часов показалась наконец ожидаемая кавалерийская колонна из за северо-западного угла крепости; генерал Скобелев пошел к ней на встречу, соединился и вместе возвратился в лагерь. Потеря, понесенная нами во время этого движения, представляла

непонятно счастливый для нас случай: она состояла только из одного убитого и пяти раненых. Положим, что наши при обходе крепости держались от нее не ближе тысячи шагов, но, с другой стороны, немалое значение имело то огромное количество пуль, которое выпущено было текинцами, безусловно хорошими стрелками.

Результаты, добытые этою рекогносцировкою, окончательно укрепили прежнее решение вести атаку на южный угол и ускорили распоряжения о начале закладки траншей.

Чтобы в параллель с военными операциями, не тратя людей для занятия многих наблюдательных постов, охватывать надзором всю окрестность осаждаемого укрепления, начали размещать гелеографные станции и в этот день был установлен один станок на стене Опорной калы для переговоров с Самурским укреплением. 21-го декабря тоже кончилось вечернею зарею с залпом по Денгли-тепе. После этого быстро исчез последний проблеск дня, и наступила ночь темная, хотя безоблачная и звездная. Текинцы пробовали подползать в разных местах, но, повсюду натыкаясь на наши пикеты, ограничивались только стрельбою по лагерю, не нарушая, конечно, общего спокойствия.

22-го декабря понедельник

Еще не проглядывал свет, когда под покровом ночи небольшая колонна была выведена полковником Куропаткиным, по направлению к калам, лежащим против правого фланга лагеря. Без препятствий заняла она Ольгинскую и, в полуверсте севернее ее, Правофланговую. Как обыкновенно бывало, вновь прибывшие гарнизоны принялись немедленно за лопаты и быстро начали подыматься насыпи и углубляться ходы: едва темнота уступила раннему мутному свету, как уже занятые калы были приведены в оборонительное положение.

В лагерях проиграли повестку и натянулись шнуры от запалов орудий; прошло несколько минут обыкновенного промежутка между повесткой и зарей, и сорок снарядов, сопровождаемых **[15]** громом артилллерийского залпа, влетали в крепость, разнося осколками снарядов смерть по всем направлениям, а в нашем лагери, не встречавшем таких утренних сюрпризов, все весело проснулись. Кругом, было как-то особенно мертво; текинцы почти не показывались, только вдали, к садам, виднелась наша кавалерия, отправившаяся с полковником Куропаткиным для рекогносцировки пространства на северо-восток от Денгли-тепе, да раздавались выстрелы из орудий поручика Берга, который из Правофланговой калы огнем покровительствовал движению кавалерии и пристреливался ко

всем окрестным пунктам.

Производимая рекогносцировка местности, более версты отстоящей к северу от Правофланговой, показала, что калы не были заняты противников и богаты запасом фуража; вскоре полковник Куропаткин возвратился, потеряв только без вести пропавшими двух оренбургских казаков.

Целый день текинцы веди до крайности редкую стрельбу; по Правофланговой кале они пристрелялись до того хорошо, что стало опасно в ней показываться открыто. Подполковник Гогоберидзе, раненый в ногу, быль одною из первых жертв хорошей пристрелки противника. Впрочем потеря этого дня была не велика: убит был один нижний чин, а раненых шесть, из которых было два офицера: сотник Кременец и подполковник Гогоберидзе.

Перед вечером, часа в четыре, войска наши были как будто немного изумлены, увидев быстрое и неожиданное появление больших грунн кавалерии, выезжавших из за песчаных курганов и направлявшихся к Самурскому укреплению; но когда узнали, что оттуда идет наша колонна, залпы пехоты и шрапнель посыпались на них за такое покушение. Сначала, под влиянием рыцарской гордости, они выдерживали наш огонь, но через несколько времени, как видно, стало очень жутко: сначала раненые, а потом и остальные начали быстро исчезать в песках.

Нельзя не заметить, что в течение первых двух дней текинцы слегка относились к положению осажденного: группы конных и пеших виднелись кругом крепости; то придавало окрестности оживленный вид и давало пищу охотникам подползать поближе и скрытно из канав озадачивать беспечного противника, а иногда, меткими выстрелами, разгонять работавших на валу или во рву. Но с утра этого дня, безлюдье вокруг крепости и усиленная деятельность над улучшением своего укрепления обратили общее внимание, работы впереди южной степы перед **[16]** траверзом и перед самым южным углом, оканчивавшийся впоследствии двумя подковообразными укреплениями и соединяющими их с крепостью траншеями, показывали, что у них состоялось вроде какого то поголовного решения, даром не бравировать под нашими пулями, бесполезно не увеличивать кладбища и заняться усилением обороны; с этого же времени началось у них устройство блиндированных ям для укрытия семейств от наших снарядов.

Еще с вечера отданным приказанием более трети рабочих рук — двенадцать рот (1-й батальон Самурского, 3-й батальон Ширванского, две роты 3-го батальона Аншеронского и две роты 4-го батальона Дегестанского полков; всего 1,250 человек)

должны были приготовиться, чтобы с зарей приступить к закладке и работе первой параллели.

Все предполагаемые траншейные работы, для удобства наблюдения за ними и управления войсками при отражении вылазок, получили следующую административную и боевую группировку: все траншеи, которыми предполагалось охватить южный угол крепости с восточной стороны, назвались правым флангом и были подчинены полковнику Куропаткину; остальные, т. е. против угла крепости и долженствующие загнуть на юго-запад были названы левым флангом и начальником их назначался полковник Козелков. Заведовать артилллериею правого фланга поручалось подполковнику Мамацеву, левого фланга — подполковнику Бобрикову. Заведовать всеми саперными работами назначался полковник Рутковский.

23-го декабря, вторник

Среди глубокой темноты, дивизион тверцов, полусотня лабинцев, полусотня таманцев и конно-горный взвод, ночевавшие в Правофланговой кале, начали собираться к выступлению, и вскоре прибывший генерал Петрусевич перед самым рассветом двинулся с ними по направлению к северу.

Решение произвести закладку первой параллели днем было причиною усложнения самого дела: колонна генерала Петрусевича назначалась для отвлечения внимания неприятеля.

Едва старый, неопределенный свет начал прорезать ночную мглу, как колонна, выступившая из Правофланговой, уже подошла к ближайшей кале, находившейся от нее в полуверсте; не останавливаясь около пел, как совершенно брошенной неприятелем, колонна повернула на северо-запад и обход роковой калы с садами.

Еще густой сумрак скрывал, предметы, находившиеся шагах **[17]** в двухстах от колонны, когда кавалерия наша, с раскинутой цепью наездников с левой стороны, шла ощупью; но когда голова взводной колонны начала огибать северо-восточный угол калы, в которой еще накануне не было текинцев, как вдруг с плотины, со стен и из-за полевых оград грянул дружный залп, и многими жертвами, упавшими с лошадей, начался кровавый, славный бой 23-го декабря…

«К пешему строю слезай!» крикнуло несколько голосов, и среди громко раздававшихся различных команд, среди грома убийственного огня на расстояние трехсот шагов, закипело быстрое перестроение: наездники неслись к колонне, коноводы отъезжали назад, соскакивавшее с лошадей кавалеристы скучивались посотенно и поэскадронно, санитары бегом относили

раненных, и вот минуты через полторы залпы спешенной кавалерии стали отвечать на сильный огонь противника. В это время конно-горный взвод занял ближайший бугорок, открыл огонь по текинцам, бегущим на помощь из соседних укреплений.

Не рассеялся еще дым первого залпа правее бугра, занятого артилллериею, как раздался второй; но эту вторую команду *пли* уже не мог, произнести любимый и лихой командир первого эскадрона, майор Булыгин, упавший с простреляннным горлом. Пальба частая враздробь кипела и левее кургана, где второй эскадрон, заняв обрыв и ямы, горячо осыпал пулями плотину. После трех, четырех залпов все тронулось на калу: первый эскадрон, приняв немного вправо, направился к мельнице против входа; второй эскадрон, под начальством прапорщика Фадеева, завладев глубокими оврагом, загибавшимся концом к плотине, придвинулся по нем как можно ближе и, внезапно появившись перед стеной, окружавшей калу, захватил ее, вбежал на высокую плотину и воспользовался возможностью хорошо обстреливать отсюда часть калы и длинный, узкий дворик, который уже анфилировался продольным огнем драгун 1-го эскадрона, подбежавших ко входу в калу.

Перекрестный огонь поставил текинцев в опасное положение, и они кинулись в ворота, провожаемые нашими выстрелами с самого близкого расстояния. Соблазнились драгуны и кинулись было за хвостом бегущих, но когда, встреченные в узком входе толпою текинцев, переделе погибли, опять бросились на плотину и огнем стали снова поражать засевших во внутреннем дворе, а правый эскадрон, спустившись в овраг **[18]** огибающей калу вместе с казаками, поспешно двинулся в обход.

Вслед, за этими первыми минутами боя, подъехал к входу генерал Петрусевич:

— Как у вас идут дела? — спросил он.

— Ворвались было в калу, отвечал прапорщик Фадеев, но текинцев там так много, что наши не выдержали и теперь обстреливаем внутренность калы.

— За мной! крикнул генерал и, в сопровождена князя Эристова, командира сводно-казачьего полка, ординарцев: вольноопределяющего Гернгроса и драгунского унтер-офицера, на конях, окруженный спешенными драгунами с прапорщиком Исаевым, протискался сквозь узкий проход в калу. Пули роем встретили незваных гостей, а из постройки, находившейся левее входа, раздались выстрелы в упор, и, раненый в живот, генерал Петрусевич начал падать, но, поддерживаемый окружавшими его и обороняемый нашими драгунами, он, со всеми остальными конными и раненым Гернгросом, был, можно сказать, вытеснен из

выхода лошадью назад за невозможностью повернуть коней; таким образом, и вторая попытка занять внутренность калы была неудачна.

Когда раненый генерал Петрусевич был отнесен к коноводам, драгуны были не в очень выгодном положении: продолжать бой перестрелкой почти не было возможности, патроны значительно уменьшились. Атака была необходима. Собрались молодцы-драгуны 2-го эскадрона, перекрестились и в третий раз ухнули сквозь ворота… Началась резня… Ни столпившиеся около ворот текинцы, ни пальба со всех сторон и из-за запертых дверей внутренней стены, за которой скрывалось много защитников, — ничего не помогло. Драгуны работали без устали в первом узеньком дворике, заливая его кровью текинцев. Недолго продолжалась эта свалка: отважный противник дрогнул и кинулся в противоположную сторону, за уголь высокой стенки Внутренней калы, но было поздно: известный в нашем отряде своею храбростью князь Голицын с казаками, а поручик Нахичеванский с 1-м эскадроном драгун, уже вышли из оврага и загородили им дорогу. Видя безвыходность своего положения. Текинцы, с ятаганами в руках, пригнувшись, чтобы уменьшить цель и хоть сколько-нибудь прикрыться за низкой стеной, кинулись на встречу загородившим выход, но залп за залпом из-за стен, едва не в упор, убавлял число их с **[19]** необыкновенною быстротою и заваливали трупами все пространство между стеною калы и глиняною оградою. После этого князь Голицын двинулся в сады. Не смотря на то, что поручик Берг, отлично пристрелявшийся по садам из Правофланговой калы, отбивал текинцев, спешивших на помощь из крепости, все-таки остававшиеся были подкреплены и, заняв места за деревьями, ожидали нашего нападения… Вскоре гикнули казаки в шашки, и все не успевшие убежать так и остались за деревьями, словно спать легли, прикрывшись красными платками.

С занятием садов дело еще не кончилось: в то время, как казаки поглядывали во все стороны и, держась кучами, постоянно подмечали скрывавшихся текинцев, в первом дворике калы шла по-прежнему редкая, но безостановочная пальба. Там не были истреблены еще все стрелявшие из закрытых мест; выстрелы из саманных куч, из-за гребня обрыва, заставляли драгун разыскивать их везде; там дверь, ведущая в главную часть калы, еще была заперта и выстрелами из-за нее уже свалено не мало драгун, а за нею скрывалось значительное количество текинцев. Это последнее обстоятельство особенно возмущало князя Голицына: он, не обращая внимания на пули, вылетавшие отовсюду, верхом объехал кругом калы, отыскивая другого входа,

влезал на стену, затем поскакал к конно-горному взводу, чтобы предложить пробить стену, но и тут неудача: все заряды были расстреляны. Неизвестно, что предпринял бы он еще, если бы со стороны коноводов не раздался сигнал *отбой* повторенный несколько раз. Через некоторое время с той же стороны послышался голос полковника Арцишевского: «Отступать!» Подъехав к кале он несколько раз повторил то же приказание; после этого драгуны и казаки принялись за окончательный розыск своих раненых и убитых, а затем стали примыкать а своим коноводам, оставляя в кале кровью залитые дворики и текинцев, засевших за запертою дверью.

По известию о необходимости значительных средств для подъема раненых и убитых, одноколки от Красного Креста и от всех частей были быстро запряжены и отравлены из лагеря к месту боя: на помощь же отряду была послана колонна из роты ставропольцев, роты апшеронцев и четырех орудий 4-й легкое батареи 19-й бригады, под начальством полковника Есипова. Последнему было приказано, заняв Петрусевича сады, **[20]** укрепиться и оставаться там для наблюдения за песками в тылу Денгли-тепе. Почти бегом шли роты на выручку товарищей.

В начале своего пути роты прошли сзади 1-й параллели, где солдаты, начав работу с рассветом, к этому времени, то есть к девяти часам, успели укрыться только немного выше, пояса. Углубиться скорее было трудно, так как начали они работу, стоя в двух шагах друг от друга, чтобы представить текинцам меньше цели.

Пройдя около 150 сажен за Правофланговую калу, посланные для подкрепления встретили возвращавшуюся кавалерию, вереницу одноколок и небольшую часть пехоты из колонны полковника Куропаткина. При этой встрече он сообщил полковнику Есипову, что сады очищены совершенно и что он об этом сообщил уже генералу Скобелеву. Кавалерия продолжала двигаться к лагерю, а так как перестрелка с задними частями кавалерии еще продолжалась, а толпы текинцев виднелись около крепости в значительных массах, то, для обстреливания их, орудия открыли пальбу.

Четверть часа спустя, все сосредоточились в Правофланговой кале, куда прибыль и генерал Скобелев. Не смотря на всю его сдержанность, видно было, что его сильно беспокоила потеря храброго генерала Петрусевича.

Если бой в садах и стянул большие силы текинцев на северную сторону и тем отвлек от закладывавших 1-ю параллель значительное количество стрелков, все-таки для большинства,

если не сказать для всех, осталась непонятою причина, почему для начала траншейных работ был избран день, а не ночь; казалось бы, что начать работу под прикрытием ее было бы выгоднее: мы могли бы 1-ю параллель заложить ближе четырех сот шагов, а это, со своей стороны, имело бы огромное значение при малочисленности нашего отряда: сокращением работ на треть, лучше бы сохранились силы отряда и ускорилось бы время штурма. **[21]**

III

Похороны убитых в Петрусевича садах. — Открытое закапывание траншей. — Работы, произведенные в ночь с 23-го на 24-е декабря. — Прибытие четырех батарейных орудий 1-й батареи 21-1 бригады. — Ночь на Рождество — Парад. — Новое распределение войск. — Успех работ в ночь с 26-го на 27-е декабря. — Оказавшаяся малочисленность войск для предпринятых работ. Загадочная бездеятельность противника и вредное влияние этого на отряд. — Работы с 27-го на 28-е декабря. — Рекогносцировка артилллеристов.

Около полудня 23-го декабря, длинная вереница одноколок, медленно подвигаясь с ранеными, стала втягиваться в район лагеря. Офицеры и солдаты спешили к ним на встречу, чтобы узнать об участи своих знакомых и приятелей.

К похоронам убитых было решено приступить немедленно, и вскоре ряд носилок с окровавленными покойниками стоял перед аналоем (в православных церквах высокая подставка, на которую при богослужении кладут для чтения церковные книги, ставят иконы и крест. прим. OCR). В числе их находилось два обезглавленных и истерзанных трупа оренбургских казаков, без вести исчезнувших во время вчерашней рекогносцировки и найденных в таком виде во время утреннего боя в кале; их прорезанные груди и спины, местами подожженная кожа и разожженные руки, заложенные в прорези живота как в карманы, заставляли присутствующих содрогаться.

Панихида кончилась; но едва начали подымать носилки, как тихое пение «вечная память» было внезапно заглушено громовым залпом из всех орудий переднего фаса; таким образом, справивши кровавую тризну над братской могилой товарищей, выстрелами этими пригласили текинцев одновременно с нами заняться похоронами и своих.

День этот, исключая кровавого боя в садах Петрусевича, не представлял более ничего особенного: прелестная погода, установившаяся с 20-го декабря, продолжалась; после полудня наши успели укрыться с головою, вследствие чего и пальба с крепости стала заметно притихать; остальные проводили время обыденным порядком, но конец дня нельзя было назвать благополучным.

Около шести часов, внезапно усилившаяся пальба с крепости **[22]** вызвала всех из юломеек, и мы увидели, как на левой оконечности первой параллели кипела своеобразная спешная работа: параллель оказалась длиннее предположенной: нужно

было ее укоротить; вследствие этого состоялось приказание, крайнюю левую часть засыпать и отступить; жребий пал на работавшую в этом, месте 10-ю роту Ставропольского полка и артиллеристов 6-й горной батареи. Для избежание большой потери, ротный командир, поручик Мерхелев, приказал производить отступление повзводно. Едва первый из них начал открываться, как текинцы, заметив нашу ошибку, подняли учащенную стрельбу; с повторением того же каждым последующим взводом пальба со стен становилась чаще и метче; энергичное обстреливание артиллерией не унимало неприятельских стрелков и, точно в отместку, они более всего зацепляли артиллеристов, переносивших ящики. Через пол часа отступила вся рота, перевезены два горных орудия и перенесены патронные ящики.

Не дешево обошелся нами день 23-го декабря; убиты были: один генерал, один майор, один есаул и 19 нижних чинов; ранены: сотник Алеников и 49 солдат, из которых большинство умерло.

Траншейные работники, еще не утомленные, с большою энергиею рылись целую ночь.

С ранним рассветом 24-го декабря жителям Денгли-тепе представилась совершенно новая картина: теперь не людей осветило перед ними солнце, а на значительном пространстве тянулись ломаные линии насыпей, из-за которых по всей длине, как перебрасываемые вершины волн, точно брызгами вылетала пыльная земля. Левее этих насыпей, если смотреть от крепости виднелся возвышенный редут № 2-го, с двумя горными орудиями; далее, еще выше, ясно обозначались два десятифунтовых орудия, смотрящих в амбразуры редута № 1-го, а правее его длинной полоской темнела четырехглазая батарея № 1-го. Вот сколько сил было употреблено в одну ночь, чтобы придать первым траншейным линиям самостоятельную оборону! Работы наши в траншеях не прекращались и днем; противник же, не видя цели, почтя перестал стрелять, продолжая нести потерю от артиллерийского огня.

В этот день прибыло четыре орудия батарейной № 1-го батареи 21-й бригады; вступив в состав боевой части войск **[23]** только с четырьмя зарядными ящиками, точно также как и две легкие дальнобойные батареи, прибывшие раньше, артиллеристы были очень недовольны ожидаемой обстановкой: сознавать свою бесполезность за неимением боевых зарядов и иметь в перспективе постоянное движение с обозом и неучастие в делах, не представляло нм большого почета.

Текинцы тоже не оставались без дела: они что-то копали в

разных частях вала и особенно усердно работали над выдвигаемым вперед подковообразным укреплением перед Мельничной калой. Их работы интересовали и нас: вера азиатских племен, что неприступность крепости возможна только при высоте и толщине вавилонских стен, как то плохо вязалась с решением текинцев выдвигаться вперед небольшими укреплениями со слабейшими профилями: нам казалось, что это с их стороны более чем смелость.

Молча, почти без перестрелки, обе стороны трудились над окутыванием своих сил землею, чтобы лучше сберечь их для последнего боя лицом к лицу.

Вечером зоря не сопровождалась орудийным залпом, но, перед ожидавшими его текинцами, мы только отложили свой долг. Приказывалось быть готовым дать залп по крепости в полночь.

Сочельник кончался. Прохладная лунная ночь ничем не напоминала нам торжественно встречаемого в России вечера кануна Рождества. В окружавшей нас природе было так тихо и так мирно, что как-то резко негармонично отзывались в воздухе прерывающий ее отдаленный лай собаки, крик верблюда или внезапный выстрел. В pendant к этой могильной тишине, спали войска в лагерях, слали в траншеях, где работы были прекращены и, как изготовленные к погребению, спали артиллеристы в своих ровиках, прикрытые кошмами; только заряженный и наведенные внутрь крепости орудия переднего фаса служили единственным намеком на угощение.

Близкая полночь. Появились какие-то отдельные тени и вслед за этим, из под войлоков, словно из под земли, вышла орудийная прислуга; молча, безучастно разобрала принадлежность и во мраке казалась недвижимою, окаменелою до ожидаемой команды… Впрочем и хлопотать было не о чем… все готово…

«Двенадцать часов!» раздался чей-то голос; в ответь на **[24]** это ярко блеснула линия огней, оглушительный гул раскатился в горах, отозвался в степи и эхо его слилось с тихими, гармоничными аккордами гимна «Коль славен наш Господь в Сионе», как будто выливавшегося из облаков порохового дыма.

Только что посылавшие смерть теперь, вместе со всеми, с непокрытыми головами слушали эту молитву, прося, может быть, возможно лучшего исхода в предстоящих боях, с финальным звуком оркестра опять все стихло, все скрылось, только там, впереди, где рвались снаряды, какой то отдаленный гам — не то крик, не то вопль — нарушал еще общую тишину.

Так отпраздновали мы Рождество. Из работ велено было исполнить только необходимую:

Вышка на редуте № 1-го к утру была окончена и помещенный на нем гелиографный станок вступил в связь с другими станками на стенах Правофланговой и Янги-калы.

Празднично, весело взошло рождественское солнце; теплый воздух выманивал всех из юломеек и палаток.

К десяти часам утра 25-го декабря, войска небольшими командами, по двенадцати человек от части, сошлись на парад и сомкнулись в одну линию покоем. По окончании церемониального марша, генерал Скобелев, вызвав офицеров, сообщил о состоянии силы отряда, о количестве и месте складов разных припасов; поделившись сведениями, что отряд может легко довольствоваться в течение трех месяцев из ближайших складов и имеет купленные в Персии запасы еще месяца на два или на три, он произвел на всех самое хорошее впечатление; относясь иначе к тому, что служило постоянно канцелярской тайной, он уничтожал этим неправильные толкования о положении дел и давал основательные данные каждому желавшему обсудить тот размах действий, который может принять на себя отряд. Интересен также были вид парада, пестревшего разнообразием, офицерских костюмов, начиная от серого косматого пальто до мундира со всеми орденами.

День этот можно было назвать днем отдыха: 16° тепла приятно влияли на состояние духа; текинцы почти не показывались вне крепости и производили какие-то работы внутри ее; наши праздновали и беспрепятственно отсыпались перед работами предстоящими ночью; только к вечеру начало заметно свежеть.

Повременное бомбардирование, которое придерживалось больше **[25]** утренней и вечерней зори, в последнее время стало производиться по приказаниям; так, с вечера было отдано приказание, что завтра, ранним утром, будет произведено обстреливание крепости артиллерией.

Другое важное приказание касалось административная распределения войск; им предписывалось, чтобы каждому из начальников флангов была подчинена на всё время осады определенная, постоянная часть войск, из которой и делались бы наряды по их усмотрению. С этою целью в распоряжение полковников Куропаткина и Козелкова было назначено по пятнадцати рот и по одной охотничьей команде, а семь рот, в виде постоянного резерва, должны были занимать лагерь; из них же делались все наряды для прикрытия колонн и еще две роты были назначены занимать Правофланговую и Ольгинскую калы.

Ночь тихая, ничем вдали от траншей не указывавшая на существование враждебных сил, стоявших друг против друга,

прошла как штиль перед грозою. Но, на самом деле, работа подступов шла успешно.

Зоря застала уже артиллеристов при орудиях, но туман не повсеместный, а только над Денгли-тепе, скрывал это укрепление; не было цели, не начиналась и пальба. Около десяти часов 26-го декабря, бинокли начали сквозь туман отличать слабые абрисы (очертание предмета. прим. OCR) стен, которые с этого времени становились яснее и в скором времени цель открылась совершенно. Линия любопытствующих, наставив бинокли на текинцев, работавших на стенах, боялась пропустить тот драматический эффект, какой должен произойти от внезапной пальбы. Как бывало обыкновенно, вслед за сигнальным выстрелом начались залпы, только на этот раз сначала из одной половины орудия, потом из другой. Вновь раздавшиеся крики и быстрое исчезновение рабочих со стен вызвали какой-то злорадостный хохот в отряде, еще ясно сохранявшем в воображении истерзанные трупы оренбургских казаков.

Наступившая лунная ночь опять приняла в свой полумрак части войск, вышедшие из лагеря по направляю к траншеям после дневного отдыха; опять лагерь на ночь опустел и свежие силы новой смены бодрее застучали лопатами во второй параллели, которая приходила к концу; на правом фланге в эту ночь был окончен ход, соединявший редут № 2-го со второю параллелью, **[26]** а построенная в этой последней батарея № 3-го начала вооружаться; на левом фланге окончено сообщение между второю параллельно и батареею № 4-го, устроенною на две картечницы. Подступы наши находились уже около двухсот шагов от стен крепости. Близость эта, говорят, подзадорила послать охотников для осмотра и промера рва. Текинцы, неожиданно наехавшие на них, кинулось назад, в крепость, и произвели страшный переполох криком: «русские идут!»

Гам тысячи голосов придал рабочим, стоявшим на новых местах, энергию, едва ли не превышавшую их силы: земля сплошною массою стала взлетать наверх и в самое непродолжительное время успели прикрыться за насыпью с головою. Но пальба все-таки не открывалась, а в лагерях, среди полной тишины, был только слышен глухой стук колес пяти медных орудий 9-ти-фунтового калибра, передвигаемых в траншейную № 3-го батарею. В этот день, кроме убитого солдата, был еще ранен капитан-лейтенант Зубов, впоследствии умерший от той раны.

27-го декабря не все еще проснулись, когда штабс-капитан Балуев из вновь установленных на батарее орудий открыл пристрелку.

Еще вчера известие, что барометр падает, стало беспокоить всех в отряде. Бодрый дух, быстрые земляные работы, ничтожное количество заболеваемых — все это, главным образом, находилось в тесной зависимости от прекрасной погоды. Утро же 27-го декабря показало, что барометр прав. Опасения расстаться с ясными теплыми днями начали сбываться: после облачного утра, холодный ветер стал усиливаться и облака все гуще заволакивать небо.

Часов в девять получился приказ, чтобы артиллерия опять обстреляла Денгли-тепе; для этого раза была придумана новая вариация, чтобы больше досадить противнику: постоянно употребляемую пальбу залпами велено было заменить пальбою орудиями; часов в десять заклубился дым перед лагерной позицией и перед траншеями; бледно замелькали прорезавшие его огни, а дальний и ближний гул выстрелов, точно громовые раскаты, в течение четверти часа разносились в окрестностях крепости. Затем пальба в лагерях умолкла, в траншеях она поддерживалась, а текинцы как будто спрятались. [27]

Необходимо сказать, что спешность траншейных работ, как очевидная необходимость, признавалась всеми, но в последние дни стало высказываться, что для таких работ у нас было мало войск: значительная часть солдат стала ослабевать от утомления, так как многим приходилось пользоваться тем сомнительным отдыхом, какой возможен при переходе от лопаты к ружью и обратно; на то же указывало и самое устройство траншей: вырываемые торопливо, за неимением рук для обделки их, они оставались без стуиенек для выхода, без хорошего приспособления для стрелки, в роде глубокой канавы с отвесными боками, с безобразною насыпью, упиравшеюся в край ее; задние траншеи, за неимением людей, по мере подвигания подступов вперед все более и боаее пустели; охраняться могли только передние. Но прекрасное состояние духа войск не допускало мысли жаловаться на усталость; напротив, все по прежнему напрягали силы, чтобы скорее подойти к стенам, а этим приблизиться ко дню штурма.

Что же касается молчания и бездеятельности текинцев, то, с одной стороны, оно сильно интересовало нас и для всех было чем-то таинственным; не появление со стороны противника лазутчиков и полная вследствие этого неизвестность об их предприятиях и намерениях усиливали общий интерес. Мы даже не знали внутреннее устройство той крепости, которую осаждали; заметив издали стены единственной калы, находившейся внутри крепости перед холмом, нам казалось, что стены эти есть часть внутренних перегородок, которыми они усиливают оборону. Не

зная чем они занимаются, мы все тверже укреплялись в мысли, что все их внимание сосредоточено на устройстве преград за стенами крепости. Не мог же неприятель, в самом деле, хладнокровно смотреть, как целая сеть окопов, наполненных войсками, быстро подходила и обхватывала фасы, составлявшие южный участок их крепости. С другой стороны объяснялось превратным понятием о текинцах, как о военном бессилии; отсутствие серьезного отпора с их стороны при закладке траншей, крайне слабая их стрельба, беспрепятственность нашей работы в течение пяти дней как будто подтверждали нелепые о них рассказы, а такое настроение не могло нас подготовить к экстренным случайностям, и действительно мы были более покойны, чем следовало. Мы не были научены опытом с уважением **[28]** относиться к силе противника и легко уверовали к напутственной проповеди о ничтожности противника, не обращая внимания, что говорившие подобные речи были люди, знакомившиеся с войной с высоты птичьего полета.

Но наружный вид всего, что происходило, не мог навести генерала Скобелева на мысль, что мы совершенно забываем о противнике: работы шли отлично, порядок до возможной степени был хорош, только повременный отлучки офицеров в лагерь обедать и по делам служебным как будто немного нарушали его.

Среди загадочной тишины со стороны текинцев мы встретили ночь. С вечера наведенные в крепость орудия опять ожидали ночного сигнального выстрела. В одиннадцать часов ярко брызнула линия роковых огней и громкое эхо раскатилось над новыми жертвами противника и всполошило спящих. Совершенная тишина остальной ночи только изредка нарушалась орудийными выстрелами в траншеях.

Передвижение же рабочих и орудий шли своим чередом: три мортиры и две картечницы выступили из лагеря в приготовленные для них помещения. Из работ земляных были окончены: вся вторая параллель и полупараллель от батареи № 3-го вправо; в завороте ее поместили три перевезенные мортиры. Одно горное орудие из редута № 2-го было перевезено в батарею № 6-го, где уже находились два горных орудия, а в редут, взамен горного поставили медное четырехфунтовое. Сообщение с лагерем доведено до конца и в нем близ первой параллели устроено было помещен и для Красного Креста и перевязочного пункта.

Утро 28-го декабря застало нас крепко кутающимися в шубы: вода замерзла, Реомюр показывал 0°; все это как-то не ладилось с ярко восходящим солнцем, теплым в этом крае даже зимою. Безоблачное небо, во всяком случай, обещало нам прекрасный

день и хорошее состояние духа.

Воздух еще не начинал нагреваться, как колонна, назначенная в Самурское укрепление, выступила для конвоирования оттуда казначейства и разных складов. Итак, укрепление это недолго было нашей столицей; теперь центр складов и управления перемещались к войскам, к генералу Скобелеву, под пули.

День, действительно, был теплый и все занялись самым разнообразным препровождением времени: офицеры, оставшееся в **[29]** лагерях, ходили один к другому; за базаром столпившийся народ всех рангов, окружив вещи убитых генерала Петрусевича, есаула Иванова и других, продававшихся с аукциона, до того увлекался этой малой азартной игрой, что, кроме возбуждавших его криков: «кто больше!» не слышал ничего; даже орудийные выстрелы в траншеях не могли развлечь их настроение, а там, на батареях, наоборот, артиллерийские офицеры и наводчики, не подозревая о существовании аукциона, всецело были поглощены одним вопросом: «куда попало?»

Часов в одиннадцать, когда было уже 12° тепла, по приказанию генерала Скобелева, все артиллерийские офицеры, с заведовавшим артиллерией, верхами отправились через Ольгинскую калу разыскивать позицию, с которой удобнее всего можно было бы обстреливать подступ к Великокняжеской кале, так как ее предполагалось штурмовать 30-го декабря. При этом случае опять все заметили отсутствие деятельности оборонявшихся: несмотря на значительную грунну офицеров, разъезжавших на пристрелянной неприятелем линии у Правофланговой калы, больше четырех или пяти пуль не было пущено из крепости.

Залпы пехоты и редкие выстрелы из разных траншейных батарей безостановочно продолжались целый день.

Но к вечеру судьба как будто сжалилась над крепостью, и туман, скрывал стены ее до темноты, укрыл вместе с этим неприятеля и от наших выстрелов; через несколько времени перед восходом луны он расступился и открыл небо, залитое лунным светом и мириадами ярких звезд. **[30]**

IV

Первое ночное нападение текинцев. — Ход боя. — Отступление неприятеля. — Появление генерала Скобелева. — Мнение офицеров о причинах неудачи. — Наши потери. — Перемещение лагеря. — Взятие великокняжеской позиции. — Распоряжение 30-го декабря при слухе о сборе текинцев. Нападение их на Ставропольский редут и левый фланг лагеря. — Действия 10-й роты Ставропольского полка. — Вторичное перенесение лагеря вперед. — Встреча нового года.

28-го декабря в воскресенье, с восходом луны, опять все начало замолкать; по обыкновению впереди лагеря стали появляться команды солдат и затем, как толпы беззвучных теней, автоматично смыкаться в сплошной строй… Собрались. Перед этой молчаливой колонной чередных работников, назначенных в траншеи, слышится сдержанный гогот: «Помните: не курить; громко не говорить; ружьями не брякать: кашлять в кулак; рыть землю быстрее… На право… ряды вздвой… Не стучать штыками… Шагом марш»… Через минуту, когда все более и более бледневшие фигуры уходящих стали сливаться с фоном серебристой лунной мглы, опять воцарилась совершенная тишина.

Но, вдруг, все встрепенулось и кинулось к ружьям и орудиям: неистовый крик многих тысяч голосов, разлившейся по полю, внезапно открывшаяся пальба вдоль всех траншей слились в один адский концерт. Левый фланг горел от беспрерывных залпов, но правее было темно; судорожные, одиночные выстрелы, редкая орудийная пальба и крики неумолкаемые, крики зловещие больно щемили сердце за участь этого фланга.

Там происходило следующее: собравшись скрытно за калами, составлявшими впоследствии нашу великокняжескую позицию, текинцы незамеченными подкрались к самым траншеям, пользуясь громадным численным превосходством почти одновременно охватили и кинулись на все линии правофланговых траншейных работ. Но в тех пунктах, где сила противника была пореже и на которых нападение было менее внезапно, войска успели себя отстоять: охватившие редут № 1-го пытались было ворваться на **[31]** батарею, но картечь отважного юноши поручика Юренева заставила их отказаться от этого намерения, оставив два (из револьвера убитых) трупа в амбразуре. Энергическая стрельба четырех орудий № 1-го батареи капитана Макшеева помешала попытка текинцев атаковать ее; пальба туркестанского батальона окончательно отбросила их

назад. Часть, кинувшаяся на Правофланговую калу, подпускаемая отважными поручиком Бергом и лейтенантом Шеманом на близкое расстояние без выстрела, несколько раз останавливалась и, колеблясь, отступала; но когда, наконец, текинцы решились отступить, то картечь, залпы пехоты с двух фасов и морские картечницы обратили их в бегство.

Удар же на полупараллель и правую оконечность второй параллели своею внезапностью и неизмеримо большею массою неприятеля произвел на нас тяжелое действие: там линия наша прорвана, наши бегут, наших рубят, врываются на мортирную батарею; часть изрубленных, часть израненных вместе со своим командиром поручиком Прогульбицким остаются на месте, остальные бегут. Ворвавшиеся в редут № 2-го мгновенно запружают его тысячами и гонятся за вытесненным гарнизоном; захваченное ими горное орудие взведено на вал, но, благодаря непонятным обстоятельствам, остается на том же месте до взятия редута обратно. Увлекаемые успехом, текинцы захватывают правую половину второй параллели, рубятся с апшеронцами 3-го батальона, отнимают знамя, убив знаменщика и защищавших его офицеров и солдат, преследуют по направлении к первой параллели, обогащаясь винтовками и патронами, которые выхватывают у убитых, добегают до батареи № 6-го, захватывают там орудие, предварительно окружив его трупами храбро оборонявшейся прислуги. Левый фланг наших параллелей уже обойден; усиленной пальбой из батареи № 3-го штабс-капитан Балуев отбивается от небольших партий, которая вследствие этого бегут в обход батареи, но вдруг нежданные залпы пришедших из резерва перегораживают дальнейшую дорогу противнику; текинцы остановились; оправившиеся части усиливают стрельбу; неприятель, обстреливаемый со всех сторон, кидается назад и с ловкостью диких кошек перескакивает через траншеи…

Наши войска опять ни своих местах но, только не около прежних товарищей стоят вернувшееся к своему посту; стройные залпы уже начали греметь и на правом фланге, сквозь которые **[32]** прорывались крики: «рады стараться, ваше превосходительство!». Затем редкая стрельба наша стала перемешиваться с стройными звуками маршей, грянувших в четырех местах наших траншейных улиц и переулков.

Генерал Скобелев, прибывший с резервами, тотчас же начал обходить траншеи, везде с ласковой улыбкой, составлявшей его характерную физиономическую черту в бою, благодарил солдат за молодецкое дело, за отбитие неприятеля; при этом мы имели случай видеть, какое поразительное влияние он имеет на войска:

везде, где он проходил, солдаты веселели и даже местами пошучивали. Кровавые лужи на каждом шагу, трупы наших безоружных солдат и офицеров, кое-где перемешиваясь с белеющими рубашками убитых текинцев (Во время описанного боя и во всех, последующих вылазках текинцы, в виду жаркого дела, несмотря на холод, сбрасывали халаты, оставаясь только врубашках и полотняных штанах.), виднелись вокруг траншей и говорили о том, о чем не хотелось бы слышать. Впрочем, неудача наша была неполная: в конце концов все-таки прогнанный неприятель не докончил своего намерения — перерезать весь отряд и бежать; потеря его, хотя относительно нападавшей массы незначительная, все-таки, как рассказывают текинцы, была около двухсот человек.

Вскоре, поуспокоившись немного, чередные части снова принялись за работу; обезлюженный 3-й апшеронский батальон выведен из траншей; санитары, быстро унося раненых и убитых, уничтожали непривлекательную декорацию, а войска залпами из орудий и винтовок отвечали на продолжавшиеся воинственные крики текинцев в крепости; оркестры полковой музыки гремели безостановочно и долго, пока не успокоилось все кругом, пока те, которые могли уснуть, забылись в тыльной траншей, и затем снова точно вымерло кругом.

Но, кроме рабочих и часовых, не спалось многим офицерам; одни, испытавшие на себе всю тяжесть удара и потерявшие все свое походное имущество и даже деньги, захваченные текинцами, хлопотали о средствах укрыться от холода и о посуде, из чего можно было бы выпить чаю, а другие, завернувшись в бурки, горячо разговаривали о только что преподанном тяжелом уроке… «Мы тут все виноваты», говорил, между прочем, генерал Скобелев, **[33]** «посмотрите теперь, как будут стоять… Всегда молодая армия начинает с этого…» В разговорах между собою большинство офицеров соглашалось с выражением командовавшего войсками, вспоминал общую небрежность к неприятелю, доходившую до отрицания в нем всякой энергии; говорили, что продолжительное пребывание за окопами дурно влияет на дух солдат и даже на бдительность сторожевых, и что не следует устраивать траншей без приспособлений выскочить из них в случае необходимости и примоститься стрелку к насыпи для удобной стрельбы. С этого вечера стала распространяться мысль, что лучше для обороны траншей выходить из них на ночь и выжидать нападения за ровиками, тем более что неприятель нападает без выстрелов. Мнение это стало общим, как имевшее за собой огромное большинство. В эту же ночь по отряду разнесся слух, что штурм неприятельских укреплений, которые

прикрывали сбор текинцев перед нападением, назначен завтра, т. е. днем раньше прежнего предположения.

Кровавая схватка этой ночи наглядно показала, что рукопашный бой есть бой на смерть, стоит только привести сравнительно цифры убитых и раненых; первых дошло до 97 человек, в числе которых были подполковники Мамацев, князь Магалов и врач Троицкий, а вторых — до 30 нижних чинов и одного офицера, поручика Прогульбицкого.

Весь отряд, сильно раздосадованный потерею горного орудия, знамени 3-го батальона Апшеронского полка и многих винтовок с патронами, утешал себя верою, что трофеи эти, за исключением берданок, будут возвращены непременно.

В числе сделанных замещений должностей после убитых был, между прочим, назначен заведовать артиллериею Правофланговых траншей вместо погибшего Мамацева полковник Гейнс.

«Чтобы к завтрашнему дню все было приведено в порядок», сказал между прочим генерал Скобелев, обходя траншеи, и утро 29-го декабря застало войска за уничтожением следов недавней резни: места, пропитанные кровью, срезались лопатами и засыпались землею. Наши раненые и убитые были убраны еще ночью; только трупы текинцев, по местам белевшие своими рубахами между траншеями, а также вблизи и вдали перед Правофланговой калой и траншеями редута № 1-го, еще напоминали вчерашнее горячее дело. **[34]**

Вечером предполагалось отнятием всех трех впереди стоявших укреплений, не смотря на то, что траншея не была до них доведена, лишить текинцев обширного плацдарма, на котором они всегда могли бы скрытно собирать большие массы народа. В восемь часов ожил весь лагерь: линия батарей, выдвинувшись с прикрытием на 250 сажен ближе к траншеям, определила новый передний фас лагеря, а за нею кибитки и юломейки стали вытягиваться вдоль фронта новой позиции. В то же время посередине полупараллели между батареями № 3-го и № 5-го, быстро очищалась площадка и перед вечерней зорей уже красовалась на ней кибитка командовавшего войсками.

Исправление того, что генерал Скобелев выразил словами «мы все виноваты», он для примера начал с самого себя, переместившись в первую линию траншей для лучшего надзора за ходом дела, а перемещением лагеря на 250 сажен вперед, кроме разрешения тактического вопроса, старался уничтожить и продолжительное отсутствие офицеров из траншей; он видел, как они ходили в лагерь обедать и по разным служебным делам, но, не имея средств предоставить им возможность есть в траншеях,

генерал Скобелев не хотел отдать приказания, которое, обрекая офицеров на голод, должно было быть причиной разрыва недовольного отряда с его начальником; не запрещал он отлучку прежде, не запретил ее и с передвижением лагеря вперед. «Я знаю, что стремление каждого офицера к своему денщику так велико», — сказал опытный Скобелев — «что я счел необходимым, придвинуть лагерь».

Придавали ли текинцы значение перемещению лагеря или нет, — неизвестно, но пальба их в это утро по перемещающимся была крайне редкая.

Часов около двенадцати заведовавший артиллерию правого фланга получил от начальника этою фланга записку, извещавшую, что сегодня между третьим и четвертым часами будет произведен штурм великокняжеской позиции.

После личного совещания полковника Куропаткина с полковником Гейнсом о взаимном согласовании действий и предстоящем деле оказалось, что предварительно необходимо артиллерии сделать широкую пробоину. Дальнейшая кала, названная впоследствии Туркестанскою, была настолько прикрыта великокняжескою, что не имела ни одного пролома с тыльной стороны, а это должно **[35]** было во время штурма продержать пехоту открыто под выстрелами.

С этою целью с редутов № 1-го и № 2-го, а также с батареи № 1-го задний фас Туркестанской калы открывался на столько, что возможно было сделать желаемое отверстие, но скорое исполнение оказалось невозможным: легко пробиваемый на близком расстоянии тонкие стены калы без сильных сотрясений только решетились, но не ломались; когда же удачный залп капитана Макшеева из орудий № 1-го батареи вывалил целые ворота, пальба была прекращена, а полковник Куропаткин извещен, что артиллерия сделала свое дело.

Около трех часов впереди и левее Правофланговой калы темной длинной полосой стала разворачиваться двадцати-орудийная полевая батареи, состоявшая из двух дальнобойных легких батарей и полубатареи батарейной (1-я легкая батарея 19-й артиллерийской бригады, 4-я легкая батарея 20-й артиллерийской бригады и полубатарея 1-й батарейной батареи 21-й артиллерийской бригады.). Для фланкирования восточного фаса Денгли-тепе и пространства между крепостью и калами была выдвинута к Ставропольскому редуту 3-я легкая батарея 10-й бригады.

Через полчаса траншейные батареи начали обстреливание позиций, назначенной для овладения штурмом; немного позже из редута № 2-го зашипели ракеты по направлению к ближайшему

траверзу, затем, в тылу раздалась канонада дальнобойных орудий. Беспрерывно взлетавшая земля, то со стен, составлявших калы, то внутри их и в проходах крепости показывала, что в калах, если они заняты противником, положение его очень затруднительно и что из выходов не удастся ему выскочить, для противодействуя штурмующей колонне. Четверти-часовое бомбардирование прервалось вдруг раздавшимися впереди криком «ура» и штурмовым маршем. Вместе с этим вынырнувшая из траншей колонна Куропаткина покрыла бегущими на штурм все пространство между траншеями и калами. Минут через десять она опять исчезла за стенами занятой позиции, оставленной неприятелем; артиллерийский огонь, сделав свое дело, стал умолкать.

Текинцы, как видно, ждали момента штурма и, стреляя до него со стен Денгли-тепе не особенно часто и только по батареям, с первым же криком «ура» открыли самую живую и самую меткую стрельбу по штурмующим, отыскивая по преимуществу **[36]** офицеров; шедший впереди штурмующих князь Голицын был ранен один из первых. Сто пятьдесят и двести шагов давали текинцам возможность бить наверняка, и как ни быстро было пройдено нашими войсками расстояние до новой позиции, но все-таки упало убитыми 16 нижних чинов и поручик Нелепов, а ранеными — 46 нижних чинов, флигель-адъютант князь Голицын и пять обер-офицеров, штабс-капитан Бартош, поручик Гранников, подпоручик Войнов, прапорщик Вогабов и хорунжий Ассиер.

Отдаленность батарей у Правофланговой калы не давала хорошей цели и только один подполковник Вильд, командир 1-й батареи, поплатился раною в ногу; за то по 3-й батарее 19-й бригады текинцы упражнялись, как по мишени; правда, счастливо для людей обошлось это обстреливание, но лошадь за лошадью валились, пока не снялись с позиции.

Нельзя здесь кстати не упомянуть о замечательно молодецких действиях санитаров, которые в этот день наглядно показали, что те, которым приходится действовать не в окопах, теряют способность тщательно прятаться и кланяться. В то время, когда осыпаемые пулями солдаты, остававшиеся в крайних траншеях, прижимались поплотнее к скату насыпи, от времени до времени, кивая головами, санитары выглядывали через верх вала, как из окна, и только следили за падающими ранеными, не видя пуль, глухо вбивающихся в насыпь… «Братцы, офицер упал; бери носилки», раздается голос одного из наблюдавших — и четыре носильщика быстро исчезают за насыпью; через минуту приносят поднятого с поля, приводя раненым одного из своих, или оставив

убитого товарища на поле до ночи.

Во время этого боя стоявшим у последнего заворота траншеи приходилось наблюдать утешительное явление или, вернее, счастливую пробу, насколько солдат наш, без понуканья начальства, которого там не было, способен относиться к своим служебным обязанностям и насколько может он в опасные минуты управлять своей волей по собственной инициативе. Кроме представленных примеров действий санитаров, то же настроение высказали и солдаты, наряженные для носки патронов. Останавливаясь в конце траншеи, в последнем закрытом пункте, они сбрасывали с плеч тяжелые ящики; при этом кратком отдыхе им отчетливо видны были поразительные результаты меткой стрельбы текинцев; в их распоряжении было одно — досидеть до темного вечера, но сознание, что в патронах нуждаются, для них было силою, **[37]** заставлявшей опять взваливать ящики на плечи и выходить в открытое поле, отдавая себя почти на верную жертву; нельзя было не любоваться этим не для реляции подготовляемым подвигом безвестных героев, которые, видя, как треть из отправлявшихся уже лежит на земле, повторяли тот же маневр и проходили, осыпаемые пулями, с тем же для нас грустным результатом.

Итак, предприятие текинцев 28-го декабря вызвало потерю ближайших к крепости укреплений раньше положенного срока. В ста шагах от стен крепости воздвиглась наша укрепленная позиция, названная великокняжескою. Охотничья кала с своею угловою башнею, выдвинутая вперед, прикрывала Великокняжескую калу, а с Туркестанскою, откинутою немного вправо и назад, она обстреливала весь промежуток перекрестным огнем.

Вслед за занятием позиции пехотою, в тот же вечер, в калы передвинулись на вооружение Великокняжеской два горных орудия под начальством поручика Тамкеева и две картечницы — мичмана Голикова; в Туркестанскую введено было два горных орудия — штабс-капитана Грека.

Рано в этот день затихли текинцы, а с сумерками прекратился даже признак их пребывания за стенами, несмотря на то, что они не, могли не видеть при луне темные линии людей, расставленных открыто для рытья траншей к Великокняжеской кале. В это время в занятых калах дружно работали лопаты новых квартирантов: заваливались лишние выходы и проломы, тонкие и осыпанные места стен исправлялись приводкой земли и закладкой мешков с землею, а также вновь проделывались бойницы и амбразуры.

Ночью Великокняжескую калу успели соединить узкою

длинною траншеей с правофланговыми, а на левом фланге устроена батарея на три мортиры.

Веселое, яркое солнце, и прелестное чистое небо опять начали день 30-го декабря, с рассветом открывшаяся орудийная пальба по крепости особенно отчетливо отдавалась в лагерях. Пальба, однако, не была горяча; меткость стрелков и близость расстояния вызвали выстрелы только по верной цели.

Часам к трем по отряду разнесся слух, что во внутренних рвах западной стены крепости замечен сбор текинцев в значительных массах. Ожидание возможности вторичного нападения было совершенно естественно: в один вечер 28-го декабря мы выучились **[38]** с осторожностью относиться к силе противника. Со стороны начальства принимались меры для прикрытия нашего расположения со всех сторон; но вследствие малочисленности отряда имелось много ахиллесовых пят: быстро двигая вперед земляные работы, тыльные траншеи оставались незанятыми, мортирная батарея № 5-го, недавно еще передовая, охранялась в это время только взводом и была одним из тыльных пунктов траншейного расположения; редуты же № 1-го и № 2-го изображали уже отдельные укрепления, как бы для прикрытия пространства между Правофланговою калою и лагерем; поэтому, если бы удар повторили на правые оконечности траншей, то для действия во фланг по вылазке и для противодействия прорыву между лагерем и траншейными работами в пустой редут были назначены дивизион тверцов с их командиром майором Матерно и взвод 4-й легкой батареи 19-й бригады с подпоручиком Воиновым. Когда же стемнело, полковник Эристов, которому поручался этот отряд, занял указанный № 2-го редут, тыл же левофланговых траншей обеспечивался Ставропольским редутом. Восемь ночей подряд проработавшая в траншеях рота Закаспийского местного батальона и два горных орудия составляли в это время их гарнизон: правее этого редута была батарея, вооруженная двумя 4-хфунтовыми медными орудиями подвижной № 3-го батареи, под прикрытием другой роты того же батальона: еще правее и позади начинался лагерь. Передний фас его представлял почти сплошную тридцати-орудийную батарею, прикрытую насыпью, а из пехоты, которой прикрывались и которою производились все траншейные работы, для прикрытия лагеря оставалось немного: 12-я рота Ставропольского полка стояла по линии фронта на левом фланге лагеря, 10-я левее ее, огибая фланг; к левому же флангу этой последней примыкал правый фланг 4-го батальона Апшеронского полка, который, продолжал огибав ее фланга, частью составлял продолжение линии западного фаса лагеря.

Странно, сознавая всю трудность нападения на наш правый фланг по отнятии укреплений, прикрывавших сбор текинцев, все-таки поглядывали на правый фланг. Понятно, с какою неутомимою бдительностью каждый солдат следил за впереди лежащею местностью, с какою уставною точностью начальники занимали спои места и с какою боязнью за репутацию чести придумывали они все, чтобы не дозволить текинцам прорвать линию вторично. Как исключение представлялся Ставропольский редут, который, по отдаленности от крепости и близости лагеря, считался почему-то **[39]** самым безопасным местом и в котором гарнизон, утомленный бессонными ночами за работою в траншеях, улегся спать.

В таком положении застала ночь. Давно светила яркая луна, как вдруг без предварительного признака какого бы то ни было нарушения общей тишины раздались знакомые оглушительные крики: «алла!.. алла!..» Сливаясь в один вопль, могущий вылетать только из многих тысяч здоровых грудей, этот боевой призыв охватил весь левый фланг лагеря и Ставропольский редут… Несколько мгновений — и опять ловко подкравшиеся текинцы очутились внутри его. В одном месте было тонко и на нем порвалось. Опять всполошились артиллеристы, кинулись к орудиям, но что делать, куда стрелять — не выяснялось. В течение первых минуть частая пальба в разброд то прекращалась, то возобновлялась, а крик атакующих неумолкаемым ревом продолжал разноситься около самых лагерей, пули падали между орудиями, молча стоявшими в окопах флангом к нападающим. Впрочем, вскоре некоторый батареи открыли пальбу по крепости, а 4-я батарея 19-й бригады выкатила из траншей первую полубатарею и повернула ее фронтом налево…. «Требуют взвод от 4-й батареи», раздался голос адъютанта, заведовавшего артиллериею, — и быстро запряженные два орудия отправились к тыльному фасу лагеря, откуда тоже начались выстрелы неприятеля, обошедшего лагерь. Бой в Ставропольском редуте кончился очень скоро: около половины роты легло на месте, а остальные вместе с артиллеристами, уже потерявшими много товарищей, бегом кинулись из редута по направлению к батарее; другая рота местного батальона, открывшая огонь с места, не присоединяясь к оборонявшей редут, тоже не выдержала атаки и при отступлении оголила батарею; видя такое положение и не имея холодного оружия, еще не полученного от казны, артиллеристам 3-й подвижной батареи оставалось только увеличить толпу быстро отступавших, затем оставалось текинцам ворваться в лагерь, где, можно сказать, была одна только артиллерия. Что ожидало ее — было неизвестно, во всяком случае

по малочисленности и способу отражения успех был вряд ли возможен.

Но, к счастью, тяжелые первые минуты миновали: 10-я рота Ставропольского полка при первых криках кинулась в ружье и, кинулась за своим испытанной храбрости командиром, поручиком Мерхелевым, на выстрелы, быстро появилась перед ручьем, протекавшим около батареи; таким образом, перегородив дорогу, **[40]** она застала его занятым массою перебегавших текинцев и наших; пропустив последних, залпами почти в упор остановила преследование противника; к этому же времени подоспела и 12-я рота: упершись правым флангом в траншею первой параллели, она справа и сзади залпы свои слила с залпами 10-й роты. Не зная, что происходить в Ставропольском редуте, поручик Мерхелев начал напирать на текинцев, чтобы скорее дойти до него… усилия удались — рота дошла, но гробовая тишина в маленьком укреплении показала, что здесь драма кончена…. Узнав об отнятом орудии, командир повел свою молодецкую роту далее быстро, почти бегом, в надежде нагнать захвативших его, но подскакавший к ним генерал Скобелев велел вернуться к редуту. Не доходя до него, рота стала фронтом перпендикулярно к направлению нападения, а 12-я рота правее ее. Апшеронцы хотя и пробовали помочь ставропольцам своими выстрелами, но опасность стрельбы ночью из за спины впереди стоящи остановила их; вскоре впрочем раздавшиеся выстрелы в тылу лагеря дали самостоятельное занятие и апшеронцам.

Минут через шесть около лагерей притихло все, но торжествующие крики, которыми встречались новые трофеи — горное орудие и, вероятно, не менее пятидесяти берданок с патронами — вызвали с нашей стороны озлобленную стрельбу и, кажется, очень кстати: говорили, что внутри крепости шло в это время навьючивание верблюдов. «Начинать бомбардирование!» слышалось везде в траншеях и непрерывными перекатами загремели орудийные выстрелы… Громкие вопли женщин с заклинаниями и причитываниями, крик верблюдов и раздирающей крик подшибленных собак составили концерт, который, стоя среди трупов своих товарищей, слушался нашими с удовольствием. Музыка в траншеях и бомбардирование продолжались часов до одиннадцати; только одни дальнобойные батареи, выпустив по нескольку боевых зарядов, должны были обратиться в зрителей.

Головы наших траншейных работ, не подвергнутые непосредственному нападению и не имевшие возможности принять участие в стрельбе по отдаленности цели, где бились текинцы и наши, почти безостановочно разрабатывали ходы в

Великокняжескую калу с правого и с левого флангов. Наверху башни, заложенной по борту мешками с землею, поместили два, ракетных станка, мортирная батарея № 5-го уширена и усилена еще тремя мортирами, а на левом фланге оканчивалась полупараллель и вдоль **[41]** Великокняжеского ручья все левые оконечности траншей были соединены одною фланговою фронтом на запад, имея ручей впереди.

Еще дороже, чем 28-го декабря, обошелся нам этот, второй ночной бой с текинцами; потеря наша оказалась убитыми. 52 нижних чина и командир, можно сказать, вырезанной роты, поручик Яновский; ранеными: два обер-офицера и 96 солдат, да, кроме того, были отбиты неприятелем одно горное орудие и несколько десятков берданок.

Чуть рассвело 31-го декабря, как из траншей увидели оживленное движение в лагерях: фургоны и навьюченные верблюды, сбрасывали у первой параллели багаж, опять спешили назад; палатки, юломейки и кибитки, быстро исчезая в прежнем лагере, стройной линию вытягивались вдоль первой параллели. Еще раз переносился лагерь, и под самые выстрелы. Очевидная опасность выкупалась уничтожением большого интервала между лагерем и передовыми войсками; при таком положении войска более обеспечивались от отдельных нападений на передних и на резерв, так как лагерь, прикрытый с флангов и фронта траншеями, связывался еще с работавшею частью отряда несколькими подходами. Малочисленность наша не дозволяла даже расширить военную операцию на столько, чтобы отдельным отрядом противодействовать. Или по крайней мере безнаказанно наблюдать за песчаными курганами у Мельничной калы и за находившимся там подковообразным укреплением, т. е. за местностью, где совершенно спокойно собирались текинцы для производства вылазок. Все, что мог сделать генерал Скобелев, — сделал: в Опорной кале, как наблюдательный пост за пространством, лежащим западнее крепости, велел поставить одну сотню, а по ночам держать разъезды между Ольгинскою и Опорною калами и далее к Ставропольскому редуту для обеспечения тыла. Такими распоряжениями кончался последний день 1880 года.

Погода отличалась своим постоянством и уже дней около одиннадцати, с маленьким колебанием, ясные теплые дни сменялись лунными, прохладными ночами, какая раскинулась над нами и теперь при проводах старого года.

Новоселье нашего резерва приятно изменило вид окрестностей: прежняя безграничность пространства, утопавшая в сероватом лунном свете, и глубокая тишина скорее вызывали

чувство сиротства, чувство заблудившегося в степи, чем какое ни будь другое напоминавшее об окружавших людях: при виде же ярко **[42]** освещенных линий юломеек исчезало впечатление человека оторванного от общества, жизнь кругом, стала очевиднее.

Приказание беспрерывно тревожить сон неприятеля, возлагаемое специально на мортиры, от времени до времени прерывало тишину в этой ночи внезапным взрывом орудийного выстрела и еще более громким разрывом гранаты. Изредка этот двойственный выстрел обращался в один удар, когда едва слышный гул разрыва указывала на тот страшный визит гранаты в одну из блиндированных ям, битком набитых семействами текинцев, после которого остаются только кровь и истерзанные тела.

Итак, мы накануне нового года…. Скоро полночь…. Для эффекта тишина не нарушалась около получаса…. Не хронометр, не колокол с церковной башни указали двенадцать часов, а командир батареи штабс-капитан Ростовцев. Взглянул на свои часики; послышалась команда: «орудие пли!» раздался залп из шести мортир, и высоко взлетевшие гранаты, посвистывая и мелькая горящими трубками, снопом спустились на спящих текинцев. Многие проснулись в траншеях и лагерях…. «А, Восемьдесят первый год!» бормотали они и снова засыпали для освежения сил перед ожидавшими их трудами на следующей день.

V

Внутренний вид крепости Денгли-тепе. — Взаимное обстреливание крепости и лагеря. — Работы и распоряжения получают характер подготовительный к штурму. — Обеспечение лагеря от обстреливания с крепости. — Два лова о текинской кавалерии. — Фальшивая тревога текинцев с крепости. Рытье минного колодца и приостановление работы вследствие появившейся в нем воды. Эскиз траншейной жизни. — Движение траншеею вперед из Охотничьей калы. Ширванский редут. — Нападение текинцев ночью 4-го января; прорыв нашей линии и бегство неприятеля. — Ссоры в неприятельском лагере. — Фальшивая тревога и пальба в нашем отряде. — Заложение минного колодца. — Промер охотниками рва и расстояния до стены. Подпоручик Херхеулидзе.

Первый день нового 1881 года ясностью неба не уступал прошедшим, которые, исчезнув, захватили с собой и восьмидесятый год.

Вместе с занятием башни Охотничьей калы, значительно превышавшей стены крепости, приобреталось и средство наблюдать за внутреннею жизнью противника. Много любопытных ежедневно влезало на верхнюю площадку ее, чтобы лично приобрести понятие о внутреннем устройстве крепости и о размещении сорокатысячной массы людей.

Действительно, вид этот представлял много нового и интересного: вся внутренняя площадь Денгли-тепе, длиною около $1^1/_4$, а шириною около $^1/_2$ версты, то есть около квадратной версты, была густо заставлена кибитками: десятки тысяч их, сбившись к стенам, как к более безопасным местам, своими черными войлоками сливались в одну сплошную, мрачную массу; в ней трудно было даже заметить промежутки; чем далее от стен, тем кибитки более расступались и, наконец, по середине вдоль всей крепости открывалась узкая, длинная площадь, кончавшаяся у кургана очень густым поселением.

Но все это наблюдателю представлялось чем-то безжизненным, каким то безлюдным кибиточным городом. Впрочем, и трудно было появляться человеческой фигуре на открытом месте без того, чтобы не сделаться мишенью для конкурсной стрельбы охотников, желавших пострелять с вершины башни. **[44]**

— Вон, гляди, братцы, выезжает на сирой лошади, говорит один из зорких стрелков, и прицелы устанавливаются всеми.

— Стой, братцы, говорит саратовский мужик, наемный конюх

Красного Креста, но с измальства страсть любивший охоту, — дай его мне, а вы гляди.

Винтовка замерла в руках здоровяка; раздался выстрел — и конный откачнулся, затем упал с лошади.

— Молодец! раздаются голоса.

— Это третий, с добродушной улыбкой ведет счет саратовец своим жертвам.

— Гяди, гляди! — слышится опять в полголоса произносимый призыв ко вниманию, и лев зорко следят за текинцем, мелькавшим между кибитками и спешившим на помощь упавшему.

— Ну, пусть этот будет мой, говорит молодой солдатик, уже наводя винтовку… Гляди!.. Хлопнул выстрел — и близь убитого всадника силится подняться другой упавший, но напрасно (Сцена взята с натуры, свидетелем ее, 1-го января, был автор.).

Текинцы отвечали нам тем же: наш лагерь, подвинутый к стенам на пятьсот шагов, представлял дли них отличную цель лучшие стрелки их, заняв близ угла постоянную позицию, с этого дня до штурма занимались исключительно стрельбою по палаткам, кибиткам, наметам Красного Креста, по лошадям, по людям и с первого же дня у нас стали появляться раненые на постели, на коновязи, за стаканом чая, в госпитале и даже в ровиках. Количество раненых и убитых в лагерях, правда, было очень незначительное, но досягаемость пуль во все места как то томительно действовала на людей.

Под влиянием понятного чувства самосохранения и отданного приказами закипела в лагерях усердное окапывание.

С этого дня, можно сказать, началась подготовка к предстоявшей осаде: колонне, отправлявшейся на фуражировку, предписывалось привести побольше хворосту для туров и фашин (связка прутьев, пучок, туго стянутая связка хвороста, используемая главным образом для укрепления откосов гидротехнических сооружений, а также при строительстве оборонительных сооружений. прим. OCR), и также бревен — для штурмовых лестниц; интендантство получило приказание: мешки от зерна не отдавать войскам, а отсылать в инженерный склад. **[45]**

В приказе на 1-е же января указано было также на новое распределение войск. Оно не вызывалось какими-нибудь особенно важными обстоятельствами, но из нежелания сделать пропуск в рассказе упомяну только, что, кроме правого и левого флангов, еще введен был центр, который составили оставшаяся в тылу Ольгинская и Правофланговая калы и редут № 1-го; последний оставался днем пустым, на ночь должен был

заниматься батальоном; начальником центра был назначен полковник Навродский. Говоря вообще, войска были распределены следующим образом: в ведении полковника Куропаткина назначалось 11 рот, одна охотничья команда и одна сотня; полковника Козелкова — 8 рот; полковника Наврдского — 4 роты; в резерв было отделено: 16 рот, одна охотничья команда, 7 эскадронов и 30 орудий.

Стемнело. Несколько отдельных выстрелов в тылу лагери обратили общее внимание; вскоре узнали, что разъезд драгун, наехав на четырех текинцев, выстрелил по ним и затем, увидев, что, по уходе двух, оставшиеся готовятся к сопротивлению, он изрубил их на месте.

Работы в траншеях имели вид прочного закрепления занятых пунктов: на плотине у Охотничьей калы, несмотря на выстрелы из крепости, рубились деревья; сзади Великокняжеской обделывался плацдарм на две роты, а Ставропольский редут усиливался проведением двух траншей.

Повременные выстрелы с разных батарей и в особенности с Мортирной продолжали поддерживать бдительность текинцев.

Пальба по нашему резерву на первый день не была сильна, хотя из четырех убитых и двенадцати раненых около половины принадлежало войскам, занимавшим лагерь; там же на коновязи было убито две и ранено три лошади.

Ночью текинцы не изменяли своему правилу и отвечали нам пальбой только в исключительных случаях. Когда цель открывалась им ясно, но едва умолкали наши выстрелы, только и гремевшие, по ночам, как восстановлялась полная тишина.

Настало наконец и для нас время, когда 2-го января туман, в роде такого какой, настилал. Этим утром окрестности, был желателен и полезен: пристрелявшиеся накануне стрелки противника должны были опять открыть пальбу по лагерю, но цели не было им видно. Под прикрытием тумана наши **[46]** с энергию принялись за продолжение вчера начатых работ: провиантские бунты для прикрытия госпиталя и Красного Креста в виде высокой стены укладывались с опасной стороны; то же делалось везде, где находились громоздкая, не ценные вещи; палатки и юломейки углублялись в землю, выкалывались ровики для безопасного отдыха солдатам; самые повозки устанавливались так, чтобы могли хоть отчасти служить прикрытием; все это до того изменило физиономию лагеря, что приходившее из траншей блудили в ней раньше, чем попадали в свою часть. Но как только поднявшийся туман открыл наши работы, пули текинцев, хотя редко, но усиленнее вчерашнего начали врываться во все места.

Пальбу в траншеях мы переставали уже замечать, на тем не менее перестрелка своим чередом, не возбуждая нашего внимания, шла в траншеях безостановочно.

Часов в одиннадцать дивизион драгун, направляясь к стороне Самурского укрепления, неожиданным появлением возбудил общее любопытство, тем более, что всякий, взглянув по направлению его движения, видел, как конные текинцы большими толпами выезжали из-за песчаных курганов. Кавалерия противника и в этом случай, как и прежде, осталась верна себе: опять, примерно угрожая колонне, конвоировавшей из Самурского укрепления казначейство и другие учреждения, не выдержала энергического наступления нашей кавалерии, еще не переходящей даже в рысь, и осадила в пески. Не было случая, чтобы текинская кавалерия, при всегдашнем огромном численном превосходстве, предприняла что-нибудь решительное и хоть бы одно столкновение с нашими войсками повела так, чтобы его можно было назвать сражением; только к реляционных статьях можно встретить определение этой кавалерии опасною силою, в натур же приходилось ее видеть либо как подспорье к быстрому передвижению пехоты, либо удивляющею своею недосягаемостью при бегстве на длинноногих, длинно-шейных, узкогрудых, необыкновенно быстрых скакунах.

В пять часов по пополудни вторичным сюрпризом отряда был более чем изумлен: внутри крепости, на северной стороне, раздались те же громкие крики, которыми сопровождались нападения; но воплю этому можно было судить, что несколько тысяч народа все ближе и ближе подбегали к южному углу, но никто не показывался ни на стене, ни вне крепости. В наших траншеях на эту минуту приостановились работы, прикрытие взялось за винтовки, а артиллерия немного участила огонь. При убеждении, что нападение **[47]** днем с их стороны невозможно, все в недоумении ждали развязки, не сводя глаз с крепостной степы. Но вскоре крик этот также неожиданно кончился, как и начался. Весь сыр-бор загорелся у них с того, что одно из орудий выбило заклейку в какой-то трещине наверху стены и, судя по тону, что все голоса сосредоточились у этого места, можно было с достоверностью предположить, что раскрытию широкой трещины они придали значение, чуть не равносильное началу штурма.

За исчезновением причины, на несколько минут прервавшей наши занятия, опять все потекло в рамке обыкновенных, нарядов и приказаний, только жизнь к Охотничьей кале изменилась на новый лад: туда сносились ящики от артиллерийских снарядов, туры, фашины, хворость, бревна, метки и проч.; в ней с этого дня прочно поселяются саперные и инженерные офицеры. В этот же

вечер началась копка колодца, с которого предполагалось нести минную галерею.

Чем сложнее проектировались работы, тем больше стали нуждаться в покровительстве ночей. Едва стемнело, как начались передвижения и работы к открытых местах: три мортиры были перенесены с батареи № 5-го на левый фланг в батарею № 2-го; из Охотничьей калы туда же отделены были пять ракетных станков с 250 ракетами. Полковник Куропаткин, еще в прошлую ночь пробивали отверстие левее башни в Охотничьей кале, с целью скрыть выход людей, рубивших деревья, теперь этим же самым выходом скрытно за плотиной собрал материал и приступил к обращению ее в сильный вал. Все это, прикрытое наружным спокойствием и обыкновенным бомбардированием, не возбуждало особенного внимания противника и работа не прерывалась до рассвета.

За эти сутки в лагерях на коновязи убито лошадей пять и ранено восемь, а из десяти раненных человек только небольшая часть была задета в траншеях.

На другой день, 3-го января, облачное утро дозволило остынуть воздуху, а появившееся солнце подогрело ее до +8°. Затем ртуть стала быстро подыматься.

Первая весть, облетевшая отряд, была неблагоприятна: в минном колодце, появилась вода и работы стали. Этот случай занял всех, особенно сапер, которые хотели приступить к исследованию просачивается ли эта вода по трещинам из ручья, дотекающего тут же за калою, или она родниковая? Иначе **[48]** говоря. Можно ли исправить дело отводом ручья или нельзя? Генерал Скобелев после доклада об этом некотором разговоре с подполковником Рутковским и капитаном Масловым, решил бросить начатую работу, двинуться траншеями вперед, дальше от ручья, и там, поближе ко рву, спуститься другим колодцем.

В числе приказаний, отдаваемых в этот день генералом Скобелевыми было и такое, которым оформливалось общественное мнение относительно способа встречи ночных нападений противника. «На случай нападения неприятеля», говорилось в нем, «и в ожидаем его, части становятся позади траншей и стреляют стоя, целясь возможно ниже, пусть неприятель эскаладирует траншеи. Лучшие стрелки и часовые вдоль бруствера траншеи. Разумеется, это пригодно лишь ночью, в виду отсутствия неприятельского огня в особенности и перед, и во время нападения. Люди могут спать, закрывшись кошмами».

К часам двум термометр на солнце показал +22°, и так, среди зимы, холод, искусственно заставлявши прыгать утомленных рабочих и не дававший им возможности хорошо

уснуть, заменялся теперь весеннею теплотою, которая указала настоящее состояние людей: разметавши свои утомленные члены, солдаты, как-то неловко приткнувшись к траншейной насыпи, сплошною линиею спали крепко, недвижимо, с видом убитых; страшная толкотня и выстрелы над головами для них были нечувствительны, а бодрствовавшее по очереди предавались чисто домашним занятиям: одни, сбросив шинели, переодевали белье, другие сосредоточенно занимались избиением врагов, ближе рубашки прилегавших к телу; часть их грела воду для чайка, делилась сухарями, и все это делалось, как будто их не толкали проносимыми турами, фашинами, патронными ящиками и плечами носильщиков, как будто не к вам относились крики: «посторонись, дай дорогу!»

Решение генерала Скобелева двигаться траншеями вперед должно было приводится в исполнение с этой ночи; к вечеру все стихло; командиры батарей правого фланга были предупреждены относительно того, чтобы быть, готовыми и ответить огнем, когда работы наши будут открыты противником: в пехоте сделан расчет и под покровом безлунного начала ночи, полковник Куропаткин пробивает новое отверстие правее башни в Охотничьей кале, траншеей спускается в дно оврага, затем, сохраняв полную тишину, ведет продолжительную работу и, сделав к **[49]** полуночи поворота два, подходит к невысокой глиняной стене, огораживавшей небольшой квадрат. Дальнейшее движение не могло быть произведено скрытно при ярком свете луны; необходимо было открыто вбежать внутрь этого редута, и наши кинулись в него. Горячая пальба открылась из всех ближайших амбразур, вслед за нею начавшиеся в крепости крики и возгласы слились в общий шум. В ответ на это зашипели в воздухе наши снаряды, засвистели в вышине мортирные гранаты, но общего гама и пальбы остановить не могли.

Неприятельские выстрелы заставляли владетелей нового редута, названного Ширванским, закапываться с необыкновенною быстротою. После часовой перестрелки замолк грохот выстрелов, только мортиры на обоих флангах настойчиво, изменяя заряды и направления, разбрасывали снаряды по всей крепости. Потеря дня в лагерях и траншеях состояла из двух убитых и пятнадцати раненых; один из них был прапорщик Абадзиев ординарец командующего войсками.

4-го января точно наступало лето: еще яснее, еще темнее, чем вчера, выкатилось солнышко на ясном небе и проснувшиеся с отрадным чувством сбросили шубы, которыми кутались сверх одеяла.

Рассвет объяснил и текинцам, что происходило ночью, когда

под ногами их ясно обозначился вновь укрепленный Ширванский редут. Их должна была встревожить очевидная опасность такого быстрого приближения противника и то связывавшее их руки соображение, которое указывало, чему могли они подвергнуться, кинувшись на уничтожение этого выдвинувшегося вперед укрепления; оно отлично оборонялось ружейным огнем с левофланговых траншей, с платины, со стен Охотничьей калы и Туркестанской.

С рассвета начатая с крепости учащенная стрельба, как результат естественного раздражения противника, продолжалась недолго: часам к восьми он убедился в полной бесполезности такого рода действий по хорошо скрытым стрелкам и прекратил ее. День с каждым часом становился жарче; везде виднелась та же жизнь, та же работа чередных и, пользуясь теплотой, то же старание, при первом случае, порасправить застывшие члены, привести в годный вид нехитростный туалет и отдохнуть. Около двух часов, Реомюр показал на солнце $+28^{\circ}$.

Перед вечером по отряду пронесся слух, что неприятель опять выходит из крепости через западную стену и скрывается **[50]** за песчаными курганами. Вскоре полученное начальниками предупреждение о том же подтвердило действительность слухов.

Текинцы, не владея хорошими огнестрельным оружием, решились, как видно, с целью приравнять свою силу нашей, действовать исключительно по ночам, которые, укрывая их от выстрелов до столкновения в рукопашный бой, давали им больше шансов надеяться на успех, как численно превосходящей силе. Все верили, что нападение на нас будет, и вечером стали готовиться к отпору. Двукратная проба их вылазок ознакомила с системой их действий и показала, что дорого приходилось платить за слабые места.

Настала ночь, но ночь не лунная; сквозь мрак не дальше шестидесяти шагов только мог быть открыт осторожный противник. Сидя за насыпью, чередные стрелки чутко наблюдали впереди лежащее место; стройно, беззвучно стояла в рядах за траншеею первая линия и в строю же, щетиною выступив штыки к краю траншеи, дремали и спали, прикрывшись войлоком, резервы.

Текинцы, конечно, знали, что сбор их замечен и что их ждут теперь и ждали прежде, поэтому и старались разнообразить выбор пунктов для нападения.

Едва догорела заря заходящего солнца и быстро наступившая темнота скрыла даль, как текинцы, сбросив, по обыкновению халаты и выйдя из-за курганов и большого подковообразного укрепления собрались близ него у юго-западной части крепости в

сплошную массу, затем тронулись к ручью на фронт траншеи, соединяющей все левые оконечности подступов. Это дерзкое движение на хорошо обороняемую линию начали они почти бегом, затем часть их, припав к земле, а часть, пригнувшись, с ятаганами в руках, начали тихо, без шума подвигаться к цели (В беседе с текинскими старшинами, собранными однажды в Асхабаде, автор, проверяя некоторые неразъясненные вопросы, вызывал и от них рассказы о действиях с противной стороны в дни крупных столкновений.).

Между тем наши сторожевые, не видя и не слышала ничего среди тихой, беззвучной степной ночи, вдруг были поражены неистовым криком; в первую секунду, не видя врага, казалось, что сама ночная мгла, без помощи людей, издала этот громкий широко раскатившийся вопль… «Рота пли!.. рота пли!..» послышались в ответ громкие команды во всей линии, и загрохотавшие залпы, замелькавший блеск ружейных огней, **[51]** ракет с башни, ракет из траншей, встретили текинцев уже поздно, в упор, у ручья. Свист картечи из шести орудий, фланкировавших эту линию со Ставропольская редута, и гром, поднятый всеми батареями по крепости, заглушали воодушевляющей текинцев воинственный крик: алла! алла! Не смотря на то, что с первой секунды почувствовали текинцы прием совершенно другого рода, что нигде одиночная торопливая пальба не указывала на застигнутых врасплох, стало быть, и места легчайшего прорыва, не смотря на сильный огонь, который в момент появления их запестрил землю белыми рубашками убитых и раненых, начиная ото рва фланкирующей батареи до Охотничьей калы, текинцы продолжали делать усилия прорвать нашу линию. Наконец, сосредоточившись в большую массу перед Мортирною батарей № 2-го и правее ее (со стороны нападающих) удается осадить 11-ю роту Ставропольского полка; но под взмахами их ятаганов рота не бежит, но при слабом свете восходящей луны завязывает жаркий бой: командир роты поручик Руновский и Мортирной батареи штабс-капитан Ростовцев, окруженные текинцами, рубятся, обливаясь кровью из своих головных ран, рубится артиллерийская прислуга и, шаг за шагом, с боем уступает свое место 11-я рота. Но и положение текинцев, ворвавшихся в этот узкий промежуток, делается невозможным с появлением из резерва молодецкой 10-й роты. Залп, другой и текинцы кидаются назад. Много, очень много трупов прикладывает неприятель к прежним, уже бежит он по полю, а картечь, пули и ракеты, шипя и извиваясь, словно огненные змеи, догоняют толпы бегущих. «Один Бог знает, сколько беды наделала нам артиллерия в эту ночь!» сказал между прочим безмеинский старшина, рассказывая

про это дело. Он насчитывает, что во время этой вылазки они потеряли до 1,500 ранеными к убитыми.

Дело этого дня можно считать главной победой, как по отлитой технической работе во время боя, так и по последствиям.

Какая была цель главных участников этого нападения мервцев — ударить на передовою линию наших войск — неизвестно, только возвращение их без трофей и большого количества товарищей было одною из побудительных причин к решению немедленно оставить крепость, но и это, как видно, не обошлось им дешево; если в Денгли-тепе и не раздавались победные крики, зато там не (было и спокойствия; с нишей позиции слышны были на северной стороне шум, похожий на ссору большой толпы народа, и даже **[52]** ружейные выстрелы, что намекало на большие раздоры в лагере, противники.

Выдвинутые ружья из бойниц Ширванского редута, стрелки наши, притая дух, вслушивались во все происходящее за стеною. Все разговоры вблизи и громкие возгласы вдали отчетливо отдавались в передних траншеях (В передних траншеях правого фланга находился переводчик, который сообщал обо всем слышанном, а о важном, доносил начальнику фланга): «Прощай, моя родная земля!» вскрикивал женский голос, «здесь оставляю я моего убитого мужа и двух сыновей»… «Что, вы, как свиньи, перекопали землю»? кто-то со злобою обращался к нам, «что вы, все прячетесь? идите-ка сюда — мы вам покажем»… «Не торопись, землячек» шепотом отвечали солдаты, услышав перевод сказанного: «зайдем — не рад будешь»…. «Ну, что ж наделало твое обещание вырезать русских? — раздражительно заговорил голос за стеною — «лучшие люди легли, а успеха нет и все это ни к чему не поведет». На это последовал короткий ответ, ускользнувший от переводчика. «А так ты такой храбрый…. пойди-ка сюда…» закричал первый голос, «пойди сюда, я тебе задам!». Ссора была полная.

В течение этой ночи саперы двигались параллельными перекидными сапами, которые к утру нужно было соединить головною траншеею, а на левом фланге шла спешная уборка раненых, которых оказалось 54 нижних чина, штабс-капитан Ростовцев, поручик Руновский и прапорщик Лапатинский. Убитых было немного: прапорщик Ходкевич и 10 нижних чинов. Часть этой убыли по-прежнему принадлежала войскам, занимавшим лагерь, где, кроме того, было убито лошадей четыре и ранено 10.

Более 65,000 пуль, 600 артиллерийских снарядов и 42 ракеты было употреблено на получение текинцев: вперед не делать нападений на сплошную линию войск.

Неудача неприятеля не осталась без последствий: чуть

рассвело, 5-го января, как из Правофланговой калы заметили длинный линии караванов, двигавшихся в пески, а муллы, три дня не призывавшие на молитву, вследствие большого количества убиваемых в мечети (Кибитка, куда текинцы собирались на молитву, как в мечеть, находилась в самом опасном месте, а именно: на некотором расстоянии от стены, разрушенной взрывом, о чем никто не знал, поэтому и попадавшие в нее снаряды были случайные.) и смерти Керим-Верды-Ишама, с Кораном **[53]** в руке погибшего от артиллерийского снаряда на стене крепости, с зарею опять стали сзывать правоверных в мечеть.

В этот день, почти такой же ясный и такой же теплый, как два прошедших, пальба противника велась энергичнее: не только пули, но и ядра стали перелетать через траншеи в лагерь; там было не хорошо: жужжание снарядов и пуль над головами людей, предающихся мирным домашним занятиям, производили на них худшее впечатление, чем если бы они же действовали с винтовками в руках.

Опять замеченное скучивание текинцев скоро стало известно всем. Частые ночные нападения заставили опять поверить в повтор еще его и после сегодняшнего заката солнца. Всегда решительный и отважный удар текинцев, обходившийся нам недешево, невольно напрягал нервы ожидавших его. Как только с наступлением темноты войска вытянулись за передними траншеями, везде слышались уже предупреждения: «Будьте осторожнее! будьте осторожнее!», Сильнее вчерашнего солдаты напрягали зрение и высказывали еще большую готовность по первому гику противника выпустить пулю без замедления; такая излишняя ажитация, такое настроение войск, при котором оно было более чем готово, встретить ожидаемое нападение — был пересол, обратное положение недосолу перед нападением 28-го декабря. Вдруг на левом фланге раздался залп и общее тяжелое напряжение внезапно разряжается: залп за залпом в первой линии вызывают усиленный артиллерийский огонь, и гул от пальбы, как вчера, стал перекатываться от одного края до другого, огненные полосы ракет, снопом разбрасываемый во все стороны, тщетно отыскивают место, занятое неприятелем, а текинцы во все это время гиком из крепости словно поджигают нас усиливать огонь. Но отсутствие крика их вблизи, разрядка напряженного состояния пальбой до насыщения, неоправданное ожидание увидеть перед собою нападающих повлияли сами собою на возвращение благоразумия и пальба стала быстро утихать; те же фасы, которые не стреляли, еще с большим волнением всматривались в даль, полагая, что по линии стрельбы кипит бой: кобуры у офицеров

были расстегнуты, ружья держались на изготовку. Едва замолкла пальба в траншеях, как в тылу, вслед за ружейным залпом, раскатилась громким эхом и орудийные; все **[54]** оглянулись на лагерь — весь задний фас его горел огнями залпов, а пронзительное гиканье текинцев опять начало вторить нашей пальбе. «Неужто нападение с тыла?» спрашивали многие, всматриваясь и прислушиваясь к безостановочному гулу выстрелов, но вскоре и там утихший огонь показал, что пальба не была ответом на неприятельское нападение. Последовательное заражение однако не кончилось лагерем — из редута № 1-го блеснуло несколько залпов и замерло и, наконец, где-то в тылу, в поле, звездочками сверкали выстрелы отдаленного секрета… Но вот желанный свет лунной зари, открыв перед всеми голое, никем незанятое пространство, решил сомнительный вопрос. Пальба затихла окончательно и всем стало как будто неловко.

Работы наши уже перестали захватывать широкое пространство, все теперь сосредоточилось в головной части правого фланга, где перекидная сапа тихо, но безостановочно подползала к стене.

В эту ночь решено было начать минную галерею; отметили место, приняли направление, оставалось узнать расстояние от крепости и измерить ров; вызвали для этого охотников; сотник уральского казачьего войска Кунаковсий и унтер-офицер туркестанского линейного батальона Константинов взялись исполнить желаемое и вышли из редута. Тихо шли они по принятому направлению, считая шаги; чутко, с некоторым трепетом за охотников прислушивались передовые стрелки; четверть часа ничто не нарушало совершенного спокойствия, но затем раздался выстрел, последовали другой, третий — они замечены и частая пальба наша явилась охотникам, как утешительница в опасности. Они вскоре возвратились, сделав свое дело.

Когда все притихло, тот же Константинов и казак уральского войска, узнав, что необходимо иметь точный промер, вызвались вторично сделать измерение тесьмою. Предприятие кончилось также счастливо. Последний промер и осмотр рва дали самые утешительные результаты: разстояние, от начала минных работ до рва оказалось 29 сажен и 6 вершков, а ров — шириной 7 аршин, сухой и только 2 аршина глубиной.

Пока производилась экспедиция охотников на правом фланге, на левом вспыхнула самая частая стрельба с юго-западной стороны Денгли-тепе; там тоже открыли наш рекогносцировочный отряд: сорок человек 12-й роты самурцев, под командою поручика Айрапетова, как только взошла луна,

выступили из Опорнвой калы и приступили к исполнению приказания осмотреть **[55]** впереди лежащую местность; постепенно подвигаясь к крепости они были наконец замечены зоркими текинцами; подпустив на восемь сот шагов, они открыли частый огонь команда принуждена была возвратиться в Опорную.

В траншеях между прочим, производились некоторые переделки: около № 3-го батареи строился редут на одну роту, внутри которого должна была расположиться ставка командующего войсками а батарея № 5-го уширялась для помещения двенадцати мортир.

Без потери не обошелся и этот пройденный день, в течении которого было 4 убитых и 18 раненых; к последним принадлежал артиллерии поручик Херхеулидзе; в тот момент, когда, тщетно разыскивая неприятеля ракетным освещением, он для лучшего наблюдения влез на траншейную насыпь, раздался треск от удара пули… «Кто ранен?» невольно спросили в траншее. «Я», ответил Херхеулидзе, слезая с насыпи, и без помощи других отправился перевязывать руку с раздробленною костью. Покойник оставил по себе добрую память. **[56]**

VI

Начало работы минной галереи. — Буря и ожидание нападения. — Переговоры об уборке тыла. — Стрельба из мортир на новой позиции. — Брешь-батарея пробует обвалить стенку. — Охотник гардемарин Майер пытается подползти к крепостной стене. — отсрочка для штурма с 10 на 12-е января. — Крики и ругань текинцев по ночам. — Одно из подслушанных распоряжений заставляет предполагать немедленное нападение. — Понятие, составленное текинцами о подслушанной ими нашей подземной работе. — Диспозиция штурма общая и для артиллерии. — Размещение войск. — Ночь накануне штурма. — Безответность текинцев. — Наши работы.

6-го января сильный ветер, начавшийся с зарей, стал грозить переменою погоды, так как он продолжал усиливаться. Отрядная жизнь текла обычным порядком: рано утром три колонны, назначенный на фуражировку и за хворостом, потянулись во всё стороны.

При утреннем крещенском богослужении, залпом из всех батарей по Денгли-тепе отсалютовали обряду водосвятия.

Текинцы, со своей стороны, занявшись, по обыкновению, пальбою по войскам лагеря, продолжали отравлять им жизнь каким-то гнетущим чувством. Остановить стрелявших сквозь едва заметные косые амбразуры и имевших возможность легко проковырять в одну минуту новые не было никакой возможности. Такое настроение в лагерях и утомительный непривычный способ войны в тесных траншеях были причинами, заставлявшими всех интересоваться, что делается с саперными и минными работами; там же, где сосредоточивался общий наш интерес, работа подвинулась на столько успешно, что текинцам удавалось добрасывать камни до людей, работавших в сапах. В этот же день все с удовольствием выслушивали и передавали друг другу известие, что минная галерея уже начата.

Цепкий, глинистый грунт с одной стороны, а отсутствие артиллерии у неприятеля с другой, давали возможность не обшивать галереи досками. Небольшая овальная нора, с которой она началась, стала быстро подвигаться в глубь, и к вечеру уже загудел **[57]** вентиляционный рукав, втянутый в галерею. Вначале, пока воз-дух был свеж, работа в нем подвигалась быстро, как говорили, по четыре фута в час.

Погода, между тем, не унималась, ветер крепчал и приближался вечер, возобновляя в памяти и воображение всех не только недавние нападения текинцев, но и то, что они умеют,

благодаря своей зоркости, отлично пользоваться темнотою ночи; в разговорах стало проскальзывать вероятие нового нападения. Когда же с закатом солнца рванула буря, и пыль, поднятая со дна траншей и с насыпи, закрутилась в вихрь то предположение о возможности неприятельской вылазки обратилось в поголовное убеждение, что текинцы не пропустят такого удобного случая, и опять все стало на чеку.

Среди глубокого мрака ночи, вдоль передовых траншей, как изгородь, едва виднелась линия наших войск, через которую поминутно проносились высокие столбы пыли и песку, занося глаза, забивал рот, нос и обращал человека и одноцветную пыльную фигуру. Опять наступила мертвая тишина, прерываемая только мортирною пальбою и сигналами нашего разъезда, заявлявшего о своих…. «Смотреть, братцы, смотреть…. хорошенько смотреть!» слышатся сдержанные, наши голоса по всей линии, и, действительно, не смотря на боль воспаленных глаз, солдаты, быстро стирая с них пыль и слезы, боялись даже на одну секунду ослабить внимательный обзор впереди лежащей местности; усилия подметить подкрадывавшегося неприятеля были, можно сказать, выше сил человека, которых трудно вызвать при других обстоятельствах, а постоянно повторяемое «смотри, смотри хорошенько!» подбадривало бороться с утомлением; наконец смотреть стало легче: ветер начал ослабевать, и в то же время бледный свет полукругом появившийся на востоке, как предвестник восхода луны и общего отдыха, раскрыв до двух сот шагов чистого поля, дозволил солдатам свободно вздохнуть, оставить только часовых, забраться по войлок и заснуть до первого призыва *в ружье.*

В траншеях производились все новые работы: правее Мортирной батареи № 5-го подымали насыпь для четырех медных орудий; на левом фланга у оконечности второй параллели строилась брешь-батарея, тоже на четыре орудия, а овраг впереди Охотничьей калы очищался и уширением дна приспособлялся для постановки двенадцати мортир, которые снимались с места прежнего расположения.

В числе раненных в этот день был один офицер, **[58]** поручик Зродловский, убит был один нижний чин, а потеря убитыми и ранеными лошадьми приблизительно не превышала норму семи.

7-го января снова за ночь простыл воздух и холодным утром начался следующий день.

Слух о близком дне штурма, как говорили, через три дня, получал все большую и большую достоверность, и многие занялись приведением своих частей в полную готовность.

Утро и полдень прошли уже среди бесцветной обстановки;

небольшая пальба не привлекали, ничье внимание, и офицеры в ожидании ночной службы либо занимались донесением о выпущенных зарядах, либо, лежа на пыльных войлоках, мирно разговаривали между собою, как были встревожены общим своеобразным переполохом: солдаты повскакивали на гребень бруствера, гулом прошел общий громкий говор по траншеям, среди которого слышалось громче всего: «ваше благородие!.. Ваше высокоблагородье!.. Вон сколько вылезло текинцев!.. Позвольте стрелять!.. Эх, да как ловко»!..

— Не стрелять, не стрелять! послышались также везде ответные приказания офицеров. Если не стреляют впереди, значит нельзя.

Действительно, в это время весь верх крепостных стен покрылся текинцами, вооруженными пиками, ятаганами и изредка винтовками; вот эта-то сцена и заставила наших солдат прекратить и отдых, и занятая, влезть на насыпь и даже выйти за нее. С любопытством противники всматривались друг в друга, указывая по временам пальцами и пересмеиваясь…. «Так вот вы какие… так вот сколько вас!» слышались кругом замечания.

Следующее обстоятельство вызнало это перемирие: майор Иомудский, получив приказание вступить в переговоры с текинцами относительно уборки тел, из траншей стал выкликать текинцев с предложением прекратить огонь и выслать людей для переговоров. С некоторым колебанием текинцы исполнили наше предложение. Пальба смолкла; со стен спустились присланные для переговоров и вслед за этим десятки тысяч голов, мужских и женских, высунулись из-за стен, а на гребень бруствера влезли, должно быть, старшины и, похаживая взад и вперед с обнаженными ятаганами, запрещали покушения на стрельбу.

После взаимного приветствия Иомудский сообщил пришедшим для переговоров, что уважая храбрость таких молодцов, как к текинцы, командующий войсками дозволяет им убрать тела **[59]** убитых товарищей (Майор Иомудский, служащий в 12-м Белогородском уланском полку, был приглашен в эту экспедицию, как иомуд родом, знакомый с обычаями и языком народа и как имеющий влияние на своих сородичей). Текинцы однако, боясь вероломств с нашей стороны, отказались от этого предложения (На эту причину указывают все текинцы, с которыми приходилось разговаривать.). Солдаты наши в это время стаскивали трупы в одно место — перед исходящей передний угол левофланговых траншеи. Впрочем несколько текинцев с ловкостью гориллы сбежали со стены, кинулись к нашим траншеям к Ставропольскому редуту и, быстро разыскав своих родственников, даже присыпанных уже землею, взвалили

их на плечи и унесли, как игрушку.

На другое предложение, что русские, воюя с храбрыми воинами, и не желают убивать женщин и детей, почему и предлагают им выслать их из крепости, они отвечали: «наши семейства так скрыты, что им не вредят ваши выстрелы, а крепость надеемся с помощью аллаха оборонить».

Затем было сообщено им неизвестное; условие войны, что если одна из воюющих сторон найдет необходимым передать что-нибудь другой, то для этого должна выкинуть белый флаг, и когда другая ответить им тем же, должна прекратить стрельбу и вступать в переговоры.

Довольные, вероятно, гордыми ответами, переговаривавшиеся текинцы повернули в крепость… «По местам!.. по местам!» раздались команды и траншеях, и мгновенно с обеих сторон все снова исчезло, и текинский выстрел, раздавшийся первым, не застала уже открытой цели.

Опять настала беспокойная, но для быстрых работ необходимая ночь; опять войска отстаивали в строю всю темную часть ночи и пристально, не сводя глаз, всматривались в даль, утопавшую во мраке.

Переноска мортир, начатая еще днем, продолжалась и в темноте; часам, к десяти в овраге, перед Охотничьей калой, работая с фонарями, Были установлены все двенадцать мортир и окончили брешь-батарею, а правее бывшей мортирной № 5-го приведена к концу постройка четырех-орудийной батареи.

Минные и сапные работы шли успешно и давали надежду, что к 10-му января рукава с заряженными каморами подойдут уже под стену. Сапы (траншея, применявшаяся в 16 — нач. 20 вв. при осаде и взятии крепостей для постепенного приближения под огнем противника к его укреплениям. Прим. OCR), соединенные в эту ночь, образовали редут, названный Саперным; под прикрытием его насыпей в нем **[60]** сделано было для лучшего снабжения минной галереи воздухом два вентиляционных колодца и это много освежило силы минеров.

С рассветом 8-го января дрогнули стены Охотничьей калы от выстрелов мортир, поместившихся около их основания, и громко отдался звук их между высокими стенами внутри валы. Поверка направления вновь поставленных шомполов, пригонка зарядов и обучение людей, принятых от полевых батарей, для действия из добавочного числа мортир, требовали практической стрельбы, и командовавши батареей подпоручик Чердилели повел ее с большими расстановками, лично переставляя шомпола в ста шагах от стрелявшего неприятеля.

Часов около одиннадцати, общее внимание было занято

частою стрельбою, открывшеюся из вновь устроенной бреши батареи. После первых выстрелов узнали, что генерал Скобелев производил пробу: возможно ли орудиями сделать такую осыпь, которая была бы удобна для беспрепятственного восхода на стену. Выбрать для этого часть стены левее южного угла сажен на десять. Он приказал четырем орудиям брешь-батареи открыть огонь; штабс-капитан Михайлов поражал указанную цель метко и сильно: земля густыми столбами срывалась с верха стены, а от ударов вниз глиняная, сплошная корка, державшая насыпную внутри землю, стала скоро осыпаться, а открывшаяся земля образовывать осыпь, хотя с очень малым заложением. Полчаса стрельбы и гребень стены быль опущен на столько, что вершины стоявших за ней кибиток открылись совершенно.

Когда верх стены образовал значительную седловину, то, несмотря на метко впивавшиеся в осыпь снаряды и разрывы их, которые вместе с осколками раскидывали землю, к общему изумление, из-за гребня стала вылетать выбрасываемая земля; лопат около двадцати, под разрывом гранат, работали над засыпкой осунувшейся части вала, как будто не было никакой опасности. Когда брешь-батарея окончила свою удачную пробу, текинцы продолжали работу до вечера.

Много разного рода признаков и к этому, рекогносцировка пространства перед Мельничною калою, которую делал генерал Скобелев с подполковником Гайдаровым, начальником одной из штурмовых колонн, утвердили всех в мнении, что слух о предполагаемом штурма 10-го января верен. Артиллеристы, разделяя это мнение и сознавая ту серьезную и первостепенную роль, которая должна была выпасть на долю их во время штурма **[60]** крепости, целый день посвятили на пристрелку по всем пунктам и приготовились к блестящему исполнению всех возложенных требовавший диспозиции.

Под влиянием этих слухов, еще живее пошла жизнь в траншеях: таскавшие патронные ящики уже встречались шеренгами человек в двадцать, взад и вперед быстро пробегали вестовые с разными приказаниями, часто встречались офицеры, разыскивавшие разных начальников, и почти везде слышался спор вследствие требования и недостатка рабочих; но официального приказания о штурме еще не было.

Это кипучее движение, наконец, накрыла ночь. Все опять принялись за открытые работы: через траншеи широкими дорогами делались плавные спуски для прохода колонн по направлению к Великокняжеской позиции и к артиллерийской бреши; увеличивалась брешь-батарея еще на четыре 9-ти-фунтовых орудия, а сапные и минные работы шли своим чередом.

Еще с вечера генерал Скобелев пожелал уничтожить ту работу, какую употребляли текинцы для заделки обваленной стены, и с этою целью гардемарину Майеру, вызвавшемуся охотником, приказал в эту же ночь, подкравшись к стене, заложить динамитный патрон и взрывом увеличить осыпь.

Когда стало совершенно темно и пальба затихла по всей линии, гардемарин Майер с несколькими моряками и с прикрытием из пятнадцати апшеронцев под начальством прапорщика Богуславского, часов около одиннадцати, направился к маленькому подковообразному укреплению, без препятствий занял его и ползком двинулся оканчивать опасную часть своего пути; как тихо ни подкрадывались наши к стенам, но зоркие текинцы, благодаря умолкшей пальбе, беспрепятственно работавшее на наружном скате обвала, открыли наше движение; оставалось только шагов сорок, во разнссшийся у них говор: «будьте осторожнее — русские идут» и быстрый спуск к низу всей массы работавших приостановили наше выступление. Получив от начальника штаба инструкцию не вступать в бой и лишенный возможности завязать дело по малочисленности прикрытия, гардемарин Майер с досадою должен был отказаться от того, чего желал сам и чего ждали в траншеях. Известие, что текинцы чинят обвал, вызвало пальбу из орудий брешь-батареи, не смотря на темноту.

За ночь противник успел уничтожить наш вчерашний труд: с рассветом 9-го января осыпанная вчера стена представилась **[62]** нам в хорошо исправленном виде: гребень осыпанной части был поднять до прежней высоты, да и осунувшаяся часть пополнена подсыпкой земли.

Узнав, что к завтрашнему дню минные работы не могли быть доведены до конца, генерал Скобелев хотя и был очень недоволен, но заявил, что откладывает штурм до двенадцатая числа, и что если в ночь с одиннадцатого на двенадцатое минные работы не будут окончены, то он, во всяком случае, штурмует Денгли-тепе, выдвинувшись из-за сапных работ и ворвавшись через осыпь, подготовленную артиллерию.

Впрочем эта отсрочка была даже полезна: двадцать восемь дальнобойных орудий почти не действовали во все время осады за недостатком снарядов, но в этот день прибыло второе отделение 45-го дивизионного летучего парка и вся остальная артиллерия получила равноправность с медною.

С этого дня опять настала летняя теплота, доставившая приятный отдых остывшим за прошлые дни.

Общее опасение, чтобы текинцы, собираясь за стеною в том месте, к которому мы подходили под землею, не узнали о наших

работах, отразилось и на характере стрельбы: подпоручик Чердилели в продолжении всей ночи занимался больше перебрасыванием гранат из своих мортир за стену, обреченную на разрушение взрывом. Не обходилось без того, чтобы вверх летевшие осколки от близко падавших гранат не перелетали и к нам, но на это не обращали внимания и бомбардирование продолжалось.

Раздражение текинцев во время последних дней осады иногда выражалось самым комичным передразниванием и руганью, которой они неизвестно когда научились; особенно сердили их мортиры. «Что вы бросаете эти кошки?… Эти проклятые кошки!» кричали они, когда над головами их посвистывал неприятный гостинец… «Рота пли!» вдруг раздавалась у них по-русски и т. п.

В эту ночь сапные работы были остановлены, а минные торопились исполнить новую задачу.

9-го января мы потеряли одного убитым и четырнадцать ранеными, между которыми опять был офицер — лейтенант Шеман.

Теплое и облачное утро 10-го января быстро перешло в жаркий день. Довольно горячая перестрелка, начавшаяся с рассветом, к десяти часам стала притихать. Текинцы особенно усердно стреляли из своего орудия, но замечательно неудачная стрельба из пушки, во всю экспедицию до штурма не задевшая ни **[63]** одного человека, нисколько не смущала их и они продолжали выпускать последний запас ядер.

Что же касается до землекопных и других работ, которые и составляли самую энергическую часть нашей деятельности, то они были копиями той же хлопотни, которая кипела и в прошлые дни; только в Охотничьей кале, в том углу, который занимали саперные офицеры, шли занятия, знаменующие финал осады: перебирались открытая шкатулки, чистились медные пластинки и снова собирались в вольтовы столбы — подготовлялись приборы для взрывов.

Таким образом, опять дожили до ночи, среди которой в головных траншеях заговорили вдруг о немедленном нападении неприятеля, когда переводчик стал переводить: «сбирайтесь скорей!.. не бойтесь — Бог нам поможет перебить русских…. На каждые десять стрелков становитесь по семисот человек…. Скорей…. скорей!» Но, прислушиваясь долее, выяснилось, что характер этих приказаний касался более до подготовления к обороне, чем до сбора войск для вылазки, и имел целью скорее запугать, чем подготовить что-нибудь серьезное.

Кстати сказать, что текинцы отлично слышали нашу подземную стукотню и полагали, что русские хотят скрытно

войти в крепость подземным ходом. В этом предположении они утвердились настолько, что с целью подстеречь этот момент и поочередно снимать головы всем входящим была собрана большая партия молодцов, исключительно с холодным оружием. Эти бедняги, поместившись на месте будущего взрыва, впоследствии погибли. 11-го января, едва на дворе можно было разбирать предметы, как, по обыкновению, все уже проснулись. Опять, казалось, кончились теплые дни; порывистый ветер снова быстро нес пыль и облака, таинственно скрывая, какая погода унаследует ему, а хорошая погода теперь нам была очень нужна — завтра штурм.

День этот был посвящен на последние совещания, на последние распоряжения. Генерал Скобелев пригласил к себе всех командиров батарей для слушания диспозиции.

Пока колонные начальники составляли свои распоряжения, на основании диспозиции указывали роли более сильным частям, часов около одиннадцати артиллеристы сгруннировались около ставки командующего войсками. Вскоре вышел генерал, пригласил, их в кибитку, усадил вокруг стола и вот как выяснили цель сбора, «Господа! сказал он, завтра потребуется много **[64]** работы, с удачным действием артиллерии мы можем ожидать большого успеха». Затем предложил прочитать диспозицию, составленную так же просто, как составлялись им все прежние. Вот ее содержание:

«Завтра. 12-го января, имеет быть взят штурмом главный вал неприятельской крепости у юго-восточного угла», — так начиналась наша программа на завтрашней день; затем указывалось на распределение войск по траншеям и назначение каждой из штурмующих колонн, которые после взрыва Великокняжеской мины должны были действовать, в общих чертах, таким образом:

Колонна полковника Куропаткина, состоявшая из $11^1/_2$ рот, команды охотников, четырех горных орудий, двух картечниц, двух ракетных станков и одного гелиографного, овладевает валом и, распространяясь влево, по стене, соединяется с колонною полковника Козелкова.

Колонна полковника Козелкова, состоявшая из $8^1/_2$ рот, одной охотничьей команды и моряков, команды рабочих, двух горных орудий, одной картечницы, двух ракетных станков и одного гелиографного, после взрыва выходит из-за левого фланга третьей параллели и овладевает артиллерийскою брешью, прочно на ней укрепляется и затем, распространяясь вправо по стене,

соединяется с колонною Куропаткина, а налево — с колонною подполковника Гайдарова.

Колонна подполковника Гайдарова, состоявшая из $4^1/_2$ рот, команды охотников и рабочих, $1^1/_2$ сотни спешенных казаков, взвода дальнобойных орудий, одной картечницы, конно-горного взвода, пяти ракетных и одного гелиографного станков, в три часа утра подвигается к Опорной кале; с рассветом наступает к Мельничной кале, овладевает ею, затем обстреливает внутренность укрепления и, сообразуясь с общим успехом, наступает на главный вал.

О ходе и характере действий артиллерии в период штурма в диспозиции сказано не было, но теперь перед обществом артиллеристов генерал Скобелев в следующих общих чертах обрисовал главные фазы предстоявшего обстреливания крепости: как только колонна подполковника Гайдарова начнет наступление, брешь-батарея открывает огонь для разбития той части стены, которая была уже осыпана; за полчаса до взрыва артиллерия по сигналу начинает усиленное бомбардирование, анфилируя южную и восточную стены и закидывая гранатами мортир мертвый между ними **[65]** угол; затем последует взрыв; выждав после него несколько секунд, артиллерия дает еще залп по прежнему направлению и потом, изменив его, открывает, частый, неумолкаемый огонь по саперной стороне и кургану. В принципе план этот признан был хорошим и не вызвал замечаний артиллеристов.

В этот день, казалось, не было человека, который бы хоть на четверть часа мог сложить руки без дела; срок для подготовки штурма был невелик — всего один день; в течении его нужно было окончить склад патронов в траншеях, артиллерии дополучить боевые заряды и все эти тяжести стащить людьми, сделать общее передвижение войск для занятия мест, указанных в диспозиции, принести к концу все детальные распоряжения и доработать приспособления к удобному действию войск.

Напрасно противник усиливая стрельбу не только из ружей, но и из пушки, напрасно демонстрировала занятием с неизвестною целью своего контр-апрошного, подковообразного укрепления перед левым флангом, — на это уже не обращала внимания наша пехота. Назначенные занимать Ольгинскую, Правофланговую и Опорную калы, а также редуты № 1-го, № 2-го и батарею № 5-го, около полудня уже размещались в указанном пунктах, причем в Правофланговую было поставлено два 9-ти фунтовых орудия под начальником штабс-капитана Балуева, в редут № 2-го два дальнобойных легких, под начальством

поручика Соколовского, и в Опорной два 4-х фунтового орудия, под начальством прапорщика графа Хризос-Камо. Таким расположением обеспечивались до некоторой степени фланги и тыл, а лагерь, долженствующей опустеть, поручался полковнику Арцишевскому, в распоряжение которого должны были поступить все нестроевые и денщики, на этот случай вооруженные. Все же, назначенные в состав штурмующих колонн, бесконечными линиями в одного человека тянулись по всем извилинам траншей; к ним присоединились еще 3-й батальон Апшеронского полка, 1-я и 2-я роты Дагестанского и 3-й батальон Самурского, взятые из резерва для ночных работ; только остальные части резерва полковника Навродского и колонна подполковника Гайдарова должны были занять свои места к рассвету следующего дня.

Наружный вид наших траншей, прикрытых со стороны крепости насыпями, не выдававшими неприятелю повсеместной хлопотни был прежний, покойный, только частая орудийная пальба, **[66]** не умолкавшая в течение дня, вечера и большей части ночи, могла послужить противнику намеком на что-то зловещее.

Вечер был близок; гул от выстрелов наших орудий не ослабевал; текинцы же, наоборот, почти совершение прекратили огонь.

Тяжелые, черные тучи заслонили все небо и ночь наступила, по крайней мере, часом ранее. Холодный ветер и дождь, провязывающий, осенний, сошлись с непроглядным мраком, не видна пыла рука, поднесенная к глазам; за то эффектно прорезалась эта мгла блеском частых выстрелов, сверкавших как зарница.

Мысль о возможности нечаянного нападения в такую погоду заставила освещать окрестность и быстро проходящим светом ракетных хвостов, пускаемых за крепостную стену, и гелиографными фонарями, с ослепительною яркостью освещавшими стену и поле шагов на триста; не скрывая света, они иногда минуты по две выстаивали под выстрелами из крепости.

Но в самой крепости было так тихо, что, казалось, она обезлюдила; спать текинцы не могли: гром выстрелов, и особенности в начале ночи, не был похож на усыпительную болтовню, а треск от разрыва гранат на всем пространстве крепости и шипение огневых ракет тоже не принадлежали к средствам, успокаивающим нервы; допустить, что текинцы ушли к северной стороне, имелось еще менее основания, а между тем молчание крепости изумляло вас. Отчасти эта безответность

противника, отчасти утомление повлияли на ослабление и нашего огня.

К полуночи все стихло и у нас, и лишь некоторые части войск трудились над работами в разных концах траншейных лабиринтов: горные орудия, стоявшие в калах Великокняжеской позиции, оставаясь на прежнем месте, не могли бы принять участия в завтрашнем бомбардировании, а потому, по предложению заведовавшего артиллерию правого фланга, штабс-капитан Грек и поручик Тамакеев целую ночь, лично руководя своими артиллеристами, устраивали на плотине, у Охотничьей калы, батарею на четыре орудия и одну картечницу. В Саперном редуте слышалось неумолкаемое гудение вентилятора; он в это время гнал струю воздуха, заколачивавшим минные каморы, а наружная жизнь проявлялась там только тем, что из минной галереи выскакивали облитые потом минеры, чтобы после духоты отдышаться на чистом воздухе и снова нырнуть в подземелье. В Охотничьей кале, среди царства сонных, приветливо мелькавшие огоньки в саперных юломейках **[67]** и по временам доносившийся оттуда разговор офицеров, перемещаясь с веселым смехом, указывали на успешное закачивание подземных работ.

В это время, выйдя из траншей левого фланга, команда охотников тихо подползала к подковке; подпоручик железнодорожного батальона Остолопов а гардемарин Майер, взявшись взрывами усилить осыпь исправленной текинцами стены, около часа по полуночи начали свое предприятие с горстью моряков и под прикрытием 13-й роты апшеронцев. Дойдя до укрепления, очищенного неприятелем, часть их засела в нем, а охотники с остальными людьми продолжали подкрадываться к стенам Денгли-тепе. Недоверие к отсутствию всякого признака жизни со стороны противника поддерживала и в них осторожность, но, с другой стороны, не встречая препятствия, они скоро спустились в ров, начали подкапываться под осыпь, заложили и зажгли патроны. Раздались два негромких взрыва и «ура», радостно загремевшее в ответ на удачу, громче взрывов далеко разнеслось от левого фланга, «Опять нападение!»… сквозь сои произносили разбуженные, схватывая свои ружья, и, только успокаиваемые рассказами часовых о взрыве, снова подползали под войлок; но не остановленный никем подпоручик Чердилели с чрезвычайною быстротою очутился около мортир и из всех двенадцати открыл самую учащенную пальбу.

Текинцы не ответили ничем на взрывы, которые приняли, вероятно, за орудийные выстрелы, изредка раздававшиеся с батарей. Они не имели даже часовых на верху стене и только кое-где заявляли о своем существовании отдельными выстрелами,

точно заманивали нас попробовать сделать нападение.

В эту ночь успели приготовит ровики для артиллерийской прислуги в виде продолжения батареи у Ставропольского редута, так как в один ряд должны были стать четыре орудия 1-й батарейной батареи 21-й бригады, шесть орудий 3-й легкой батареи 19-й бригады и восемь орудий 4-й легкой батареи 20-й бригады, вскоре за ночным взрывом колонна полковника Гайдарова, усиленная всею 4-ю легкою батареею 19-й бригады, была уже на ногах. Среди совершенной темноты она начала стягиваться в Опорную калу и перед рассветом была готова к наступлению. **[68]**

VII

Действие артиллерии перед штурмом. — Действие колонны подполковника Гайдарова. — Бомбардирование. — Взрыв мину. — Впечатление, произведенное ею на обе стороны воюющих. — Первый момент после взрыва. — Эскалада: действие колонн правого и левого флангов и 3-го батальона самурцев. — Занятие вала пехотою. — Появление на западной стене колонны подполковника Гайдарова. — Описание устройства крепостной стены. — Занятие стен артиллерию. — Спуск войск во внутренность крепости. — Движение к кургану. — Занятие его. — Овладение внутреннею калою. — Преследование.

Чуть забрезжил свет, 12-го января, как за раздавшимися выстрелами у Опорной калы, в траншеях обоих флангов, все наши батареи начали перекликайся. Редкая орудийная пальба, усиливаясь постепенно, стала присоединяться к выстрелам 4-й легкой батареи 19-й артиллерийской бригады, которая еще до зори, будучи развернутою перед Опорною калой в голове колонны подполковника Гайдарова, своими первыми выстрелами начала славный предстоящий бой.

В начале слабый свет еще не позволял биноклям отчетливо разбирать очертания предметов в окрестностях Мельничной калы, куда направлялся огонь батареи: но когда взошедшая яркая заря дала возможность различать предметы, то батарея взялась в передки, выдвинулась вместе со всею колонною сажень на полтораста и с этой второй позиции занялась по указанию начальника колонны пробиванием входа в калу для пехоты. С третьим выстрелом задача была решена; когда же с четвертого и пятого выстрелов западный фас, обвалился совершенно, то подполковник Гайдаров, просил приостановить разбивание калы из опасения лишить пехоту прикрытия. Осталось теперь занять Мельничную калу.

К этому, времени орудийная пальба по всей нашей линии достаточно оживилась: брешь-батарея из всех орудий принялась за уничтожение работы текинцев по починке стены, разбитой еще 8-го **[69]** января…. Уже вершина стены обнажалась и, вслед за начавшей осыпаться землей, с гребня ее стали взлетать обрывки войлоков, которыми неприятель связал обваленный верх своего вала, а из остальных батарей началась пристрелка по крепости, как говорится на чистоту.

Между тем полевое дело подполковника Гайдарова разгоралось жарче и становилось серьезнее: стройно, под музыку, колонна его приближалась к Мельничной кале для овладения

последней позицией: линия пехоты со спешенными казаками и конногорным взводом на левом фланге, прикрывшись цепью, не изменяя ноги и равнения, вступила в район сильного обстрела. На встречу им, по внутренней стороне западной стены крепости, бегом, большими толпами спешили текинцы, и вскоре частый град ружейных пуль посыпался с траверза, с укрепления, выдвинутого перед траверс, из-за песчаных курганов и крепостных стен. Приблизившись к плотине, цепь бегом захватила ее и залегла, затем рота за ротой стали заходить за стены калы: вслед за пехотой, еще торжественнее, выдержанной рысцой, выражавшей полное спокойствие, выехала 4-я батарея 19-й бригады с посаженною прислугою. Осыпаемая пулями, она с уставною аккуратностью снялась с передков, и клуб дыма над головами текинцев, торчавшими из подковообразного укрепления. Заставил их мгновенно исчезнуть, чтобы укрыться от шрапнельных пуль и осколков.

Без промаха шрапнель за шрапнелью посылала батарея в ответ на сильный перекрестный ружейный огонь; с замечательною меткостью ракеты капитана Сергеева спускались в укрепление перед траверзом; но трескотня ружей не уменьшалась: частый огонь нашей пехоты из-за платины и из калы старался всеми силами ослабить огонь противника, но текинцы до самого бомбардирования не отказывались от такой приманки, как открыто стоявшая артиллерия всего в трехстах саженях: весь огонь их был направлен, на нее. Четыре, часа стояла батарея под таким перекрестным с ним, какой редко испытывался ею даже в регулярных войнах, а во время текинской экспедиции не встречалось, конечно, ничего подобного; но ни этот огонь, на поминутное громкое шлепанье и свист пуль не возмущали прежнего торжественного спокойствия, сохраняемого офицерами и солдатами.

Но вот огонь нашей пехоты становится реже; чуткие и под **[70]** огнем спокойные текинцы отгадывают причину; отважнейшие из них уже хотят воспользоваться недостатком у нас патронов, вскакивают и, махая ятаганами, сзывают других для рукопашная боя; уже сбегается порядочная толпа, и горсть нашей пехоты с неприятным чувством ждет возможную схватку с тучами неприятеля, скрывавшегося за стенами…. но громко треснул разрыв шрапнели над головами смельчаков, и вся толпа опять нырнула в траншею… еще шрапнель… еще… и бесследно исчезают приготовленные к нападению. Редкая пальба пехоты снова соблазняет текинцев попытать счастье: тот же призывной крик начинает раздаваться в другом месте…. артиллерия делает небольшую выдержку, необходимую для новой установки трубки,

и нисколько шрапнелей вторично охлаждают порыв неприятеля. Благодаря артиллерии, текинцы пропустили невозвратимый момент: патроны подвезены, и снова папахи текинцев стали выскакивать в мгновение и быстро исчезать после сделанного выстрела.

Началось бомбардирование: все семьдесят два орудия слили свой гром с громом рвущихся снарядов, с залпами пехоты, шипением ракет и резким хлопаньем картечи… Заметались текинцы на южной и восточной стенах, с которых беспрерывно брызгами взметаемая пыль наглядно показывала, что от разрывов гранат деваться некуда. Все не имевшие верного углубленного прикрытия кинулись в блиндированный ямы, а часть, выйдя из северных ворот, стала размещаться по наружному рву восточной стены, как видно с целью кинуться в случай штурма на фланг колонны, долженствующих наступать от великокняжеской позиции; но те из текинцев, которые засели скрытно со своими бойницами, без промаха посылали пули всем показывавшимся из-за насыпи. Так, за нисколько минут до штурма, поплатились замечательно храбрые офицеры: убитый артиллерист, штабс-капитан Грек и раненый подполковник Цинринский. Среди густых облаков дыма, глаза противника хорошо отличали офицеров даже по краю фуражки и большую часть оплошных посылали из строя либо в могилу, либо на перевязку.

Скоро полчаса, как продолжается бомбардирование; уж около получаса войска напряженно ожидают той минуты, к которой торопились приблизиться, не щадя сил, и в то же время с видимым спокойствием, безмолвно стоят прислонившись к насыпи…. Вдруг все встрепенулись: в Опорной кале внезапно пробуждается какая-то тревожная деятельность, все о **[71]** чем-то заговорили, некоторые офицеры куда-то побежали, и заколыхалась масса солдат, битком наполнявшая внутренность калы; вскоре послышались восклицания: «смирно»!., «приготовьтесь»!.. «слезайте с башни, сейчас будет взрыв»!.. И, вот, ожидаемая минута настала: колыхнулась земля а вмести с глухим гулом высоко взвился широкий, серый столб земли, испещренный какими-то светлыми и темными пятнами. Ящики, мешки, фашины и туры, венчавшие насыпь передовых траншей, осунулись и попадали. Взрыв быль эффектен: столбы земли, слипаясь в одну тучу, заслепившую яркие лучи солнца, казалось, долго простояли на одной высоте, но в ближайших ко рву траншеях не смели им любоваться: куски глины безлошадным дождем колотили всех вблизи стоявших, которые, прижимаясь к насыпи, прикрывали гл-ловы, чем только возможно…. За первой секундой после взрыва, падение земляных глыб усилилось, и

затем вся масса рухнулась на низ, похоронив под собою защитников, стоявших за роковою частью вала.

На эти несколько секунд притихла канонада; глаза всех, стоявших вне. Опасности, впились в это грозное явление. Которое заметно подействовало на текинцев: потрясенные перед этим странным артиллерийским огнем, при виде, незнакомого грозного явления они как будто потеряли виру в свою силу и, искушаемые беспрепятственным пока выходом в пески, большими массами стали покидать крепость; только в южной части ее, наоборот, взрывом прерванная стрельба снова раздалась сквозь дымчатые клубы пыли не осевшей еще земли.

Но для наших солдат взрыв был желанным сигналом: пм заканчивалась утомительная траншейная служба, им вызывались они теперь на более. Опасный, но любимый бой, стена на стену.

За секундной паузой после взрыва, прежний грохот орудий, крик ура, пронесшийся вдоль фронта наших траншей, и штурмовые марши четырех хоров музыки слились в кровавой драме, и вместе с тем со всех сторон быстро выдвинулись из земли штурмующие колонны и направились к обоим обвалам в крепостных стенах.

Из передних траншей перед великокняжеской позицией, шагах в восьмидесяти от рва, быстро вынырнула первая линия штурмовой колонны из 9-й и 10-й рот 3-го Ширванского батальона, имея на правом фланге охотников подпоручика Воронова; за нею показалась вторая линия из 11-й роты и команды сапер. Но **[72]** едва они тронулись вперед, как раздался залп с крепостной степы, и в густой массе наступающих оказалось сорок шесть интервалов. «Сомкнись»! слышится команда и затем с криком ура роты точно нырнули в углубление, сделанном взрывом, и затем беспрепятственно взлетали на гребень обвала. С этого места 10-я рота повернула огонь в тыл обороняющим южный угол, 9-я кинулась вдоль по стене на соединение с колонною полковника Козелкова, а охотники — по стене направо.

Одновременно с этим, на левом фланга, раздавшиеся вслед за взрывом боевой наш крик мгновенно выдвинул приготовленных к штурму охотников 4-го апшеронского батальона; здесь не приходилось выжидать, пока уляжется взорванная земля; бегом с места рванулся и весь четвертый батальон, сопутствуемей картечницей поручика Карпова, ракетами подпоручика Юренева, 11-й ротой Ставропольского полка и командою сапер. Густой массой кинулись всё к двум мостам на встречу частой и меткой пальбы, особенно сильно поражавшей при переходи через ручей…

Но вот голова колонны уже за ручьем, повернула к артиллерийской бреши, уже недалеко стена, но по мере

приближения, пальба неприятеля учащалась, и жертвы стали гуще покрывать землю; между нами упал шедший впереди колонны полковник граф Орлов-Денисов, пораженный двумя пулями; вблизи валялся с лицом, залитым кровью, гардемарин Майер, бежавший впереди с охотниками. Когда же ура наше сильнее пронеслось у подножия обвала, остервенение оборонявшегося, дойдя до высшей степени, показало, что он будет биться, как обреченный на смерть: тучею камней и самым частым огнем осыпали текинцы взбиравшихся на крутую осыпь артиллерийской бреши. Картечница, приняв влево, а ракеты вправо, усиленно начали обстреливать толпы противника, не заслоненные еще штурмующими; вскоре подпоручик Юренев падает, продолжая командовать ракетами. Текинцы в каком-то исступлении начали, кроме каменьев, пускать в приближавшихся к вершине апшеронцев ятаганами, пиками, палками, кожами и даже ружьями. Не стало, наконец, у штурмующих сил: не дойдя до гребня, присели апшеронцы и вторая линия. Генерал Скобелев заметил эту секунду, и новый крик ура трех рот ставропольцев — и третьего батальона апшеронцев, сливаясь с громким криком третьего батальона самурцев, раздались в тылу горсти, бьющейся на валу.

В то время, как ставропольцы а апшеронцы с двумя **[73]** горными орудиями штабс-капитана Федорова спешили на брешь, самурцы кинулись прямо вдоль правой стороны ручья; перейдя его, приставили лестницы и настойчиво лезли на стену.

В параллель этому бою и на артиллерийской бреши, после минутной приостановки, и течение которой апшеронцы перестреливались и перекидывались каменьями с засевшими за гребнем массами противника, положение текинцев становилось опасным: пули ширванцев с Саперного обвала в тыл, пули с фланга, со стороны взбиравшихся уже на стену самурцев, и с фронта, посылаемые штурмующими начали сильно редить сплотнившихся защитников у южного угла. Когда кинувшиеся из траншей на помощь семь рот вбежали на стену, отчаянный бой, бой грудь с грудью, закипел на гребне и за гребнем; текинцы одновременно рубились и с апшеронцами, и с самурцами.

В течение этих же нескольких минуть жаркого бол на стенах южного угла крепости, в разных местах происходило следующее:

1) Без особенного сопротивления со стороны противника, роты самурцев, отряда подполковника Гайдарова взошли на западную стену, приветствуемые ширванцами с саперного обвала; махая шапками и криком ура отвечали самурцы первого батальона на приветствие своих кунаков.

2) В траншеях правого фланга внезапно показался унтер-

офицер со знаменем, бистро направляющая к плотине…. Не надо было объяснять, чье это знамя: потеря 28-го декабря была еще свежа в памяти у всех. Притихший уже в первой линии наш боевой крик теперь разнесся в рядах резерва, как выражение радости. Все наперерыв подхватили восторженное ура при виде возвращенного георгиевского знамении 3-го батальона Апшеронского полка.

Текинцы не уступали дешево свой оплот; явная смерть не пугала их, и напор нашей силы заставлял отважного противника только вершками уступать свое место, не прекращая боя на вершинах стен, составляющих южный уголь.

Тут кстати сказать об устройстве стен, о которых ходили легендарные рассказы: они состояли из наружной и задней глиняных стен, каждая толщиною фута в полтора, а высотою от 10 до 12, середина же между ними была набита глиной; верхняя площадь этой утрамбованной внутри глины, не доходя до высоты стен на аршин или полтора, представляла таким образом, если идти вдоль стен, что-то в роде улицы от пяти до семи аршин шириною, окаймленной с обеих сторон станками. **[74]** Для схода внутрь крепости, задние стенки были по местам обвалены, а по скату стены сделаны были углубления дорожки вроде промоин. Во время сильного обстреливания стен анфиладным огнем, текинцы дошли до необходимости врываться партиями в верхнюю часть степы; таким образом, оставленные между ямами промежутки, поднятые насыпною землею, образовали прочные траверзы, за которыми они находили безопасное укрытие и могли сквозь бойницы вести пальбу даже во время сильного бомбардирования. Из этого описания устройства стен понятно, как трудно было биться нашим и на степах: эти траверзы служили для нас брустверами, которые приходилось брать, влезая на них из глубины соседних ям; дорого обходилось нам постеленное завладевание траверзами еще потому, что текинцы обороняла их до тех пор, пока, переколотые и перестрелянные, до последнего, очищали свободный доступ к следующему траверзу; только небольшая часть их успела проделанными внутри стены особенными ходами уйти внутрь крепости.

Не смотря на серьезность боя, можно было любоваться, с какою отважностью, не считая неприятеля, наши конкурировали с многочисленными толпами текинцев, с какою быстротой партии охотников с офицерами впереди сближались между собою…. Прошло минут двадцать, и весь верх стены был а наших руках.

Во все это время те же семьдесят два орудия продолжали греметь неумолкаемыми перекатами; дым белым туманом стлался внутри крепости, а от разрыва шрапнели над северною

стороною ее, он волновался густым большим облаком, из которого беспрерывно сыпался град шрапнельных пуль. Все оставшиеся еще в крепости к стороне кургана кинулись и пески; заметив это, поручик Дейкин и штабс-капитан Лазарев, выкатив в поле четыре орудия из батареи № 5-го, первыми начали преследование уходящего противника.

Последние же толпы защитников, уцелевших в рукопашном бою, окруженные пороховым дымом, медленно, словно нехотя, подвигались к северной стороне; наши солдаты, вытянувшиеся вдоль стен, торопились вкладывав патроны при частой стрельбе, видя, как пули их без промаха вязли в густой массе, отступающих. Это был последний расчет с неприятелем и за каждый пройденный им шаг старались заставить его заплати несравненно большим числом жертв, чем то, которым покупали мы победу при наступлении. Но отступление свое текинцы не пятнали бегством; **[75]** да впрочем, куда было им бежать? впереди их треск, дым и звонкая стукотня о сухую землю, более 9,000 шрапнельных пуль, падавших в минуту, указывали скорее на ожидавшую их могилу, чем на свободный проход.

Отвечая на каждый шаг, уступаемый текинцами наплывом большого числа войск, мы поторопились втащить на стену и картечницы; среди первых выстрелов послышалась мерная стукотня картечниц гардемарина Голикова и поручика Карпова. Минуту спустя, артиллеристы тащили на лямках и горные орудия; вскоре клубы, дыма из орудий поручика Тамкеева обвивали поднятый на обвале императорский штандарт, а между полковыми знаменами на артиллерийской бреши два орудия штабс-капитана Федорова тоже начади посылать смерть вдогонку отступающими.

С вершин высоких степ ясно раскрылась перед нами внутренность Денгли-тепе: на всем пространстве ровной площади ее, густо заставленном кибитками, не было заметно даже попытки какими-нибудь фортификационными постройками затруднить наше дальнейшее движение и стало ясно, что следует, для достижения лучшего результата и наименьшей потери, не откладывая ни минуты, начать преследование противника, отступавшего к выходу в пески на северной стороне.

Полковник Куропаткин первым спустил три роты ширванцев по направлению к той части стены, на которой виднелись самурцы первого батальона. Занимаясь осмотром кибиток и обстреливанием блиндированных ям, в которых засело много текинцев, ширванцы тихо подвигались вперед. Немного позже, с целью очистить от неприятеля все пространство, прилегавшее к южному углу, с артиллерийской бреши спустилась тоже часть

колонны полковника Козелкова. Редкая ружейная, но безостановочная пальба слышалась в кибитках, между кибитками в ямах и во всех скрытых местах, где постоянно открывали притаившихся текинцев:

Артиллерий огонь к этому времени прекратился окончательно, только шесть горных орудий, установившись на стенах, и четыре мортиры подпоручика Чердилели, расположенные внутри крепости, как видавшие все, что происходило, продолжали пальбу по северной стороне.

Большая часть войск, превратившись в зрителей, пристально следила со стен за действием рот, спущенных в крепость, и за текинцами, столпившимися у кургана. Едва ширванцы прошли **[76]** половину пространства по ширине крепости, как полковник Куропаткин, бегом догнав их, приказал начать прерванное наступление по направлению к кургану. Майор Сивинис, развернув фронт трех рот своего, батальона направо, начал наступление по указанному направлению, пробираясь между трупами, густо покрывавшими площадь крепости. Место впереди была видимо очищено.

Роты, заняв по фронту более четырехсот шагов с ротою самурцев, двигавшеюся по западной степе, образовали вместе непрерывную линию; как продолжение ее держась на той же высоте, западнее крепости, две роты 1-го батальона самурцев со спешенными казаками на левом фланга и двумя конно-горными орудиями, под начальством капитана Юдина, наступали на ложементы в песчаных курганах, а охотники подпоручика Воропанова, двигаясь сначала по верху восточной стены, потом спустились и продолжали наступление вдоль внутренней стороны ее.

Следя с высоты за общим ходом дела, поручик Карпов и штабс-капитан Федоров, заметив отсутствие артиллерии в передней линии войск, по собственной инициативе тоже спустились с орудиями и картечницей и постепенно стали настигать наступавших на курган, таща руками свою артиллерию; то же сделали и некоторые части пехоты из колонны полковника Козелкова: некоторые роты, полуроты и даже отдельные команды стали входить в промежуток между правым флангом ширванцев и охотниками подпоручика Воропанова. Сзади и левее ширванцев виднелась тоже какая-то рота, кажется, туркестанского батальона и все это спешило вперед. Без сопротивления внутри крепости и с небольшими схватками на песчаных курганах распущенные знамена на стене и в центре крепости все ближе и ближе подходили к кургану; ложементы наверху его и пальба с вершины, хотя и редкая, указывали на возможность встретить

сопротивление. Не доходя пятисот шагов, ширванцы остановились, дали несколько залпов по кургану и, не получив такого же ответа, снова начали наступление. Не далеко от подошвы его все наступавшие снова начали обстреливание вершины кургана. После нескольких залпов и появления на скате знамени ширванцев, окруженного передовыми солдатами, кинулись на штурм с южной стороны 3-й батальон Ширванского полка, а с восточной и даже северо-восточной команды и роты разных частей, начальство над которыми принял генерального штаба капитан Мельницкий. Громкое «ура» снова разнеслось перед лицом противника, запоздавших отступить в пески. **[77]**

Когда самурцы увидали знамя на вершине кургана, то, снова приветствуя ширванцев, замахали шапками; хоры на стене и на кургане почти единовременно заиграли русский гимн, и неистовое, громкое «ура» выразило торжество полной победы, завладев командовавщею высотою над всею внутренностью крепости.

Но вслед за этим началась та финальная, необходимая часть боя, в течение которой отступающий дорого расплачивается за прежнюю пробу сопротивляться. Особенно настойчивое преследование разбитого неприятеля считается вообще необходимостью, а при покорении азиатских племен, в особенности текинцев, имевших в 1879 году успех над нашими войсками, по мнению большинства необходимо было такое поражение, чтобы ужас, наведенный на них, с корнем вырвал из их памяти прошлогоднюю удачу при столкновении с нами.

Внутри крепости еще необходимо было кончить расчет с засевшими в кале, из которой при занятии кургана было сделано несколько залпов в тыл нашим войскам; для этого спустилась с вала рота самурцев, а из колонны капитана Мельницкого — рота апшеронцев. Обрекшие себя на смерть отчаянно отбивали нападения пехоты; когда же штабс-капитан Федоров дал несколько выстрелов по кале вдоль фронта нашего наступления, текинцы отшатнулись от стены, и, воспользовавшись этим, апшеронцы с одной стороны, а самурцы с другой ворвались внутрь калы… Прошло несколько минут, и храбрые защитники, предпочетшие избрать эту родную калу своею могилою, почетно расстались с жизнью.

В это же время все передовые части войск, конно-горный взвод и успевшие уже сесть на коней дивизион тверских драгун кинулись в пески для преследования ушедших текинцев. Если бы кто нибудь захотел представить себе картину, как смерть, аллегорически изображаемая с косою, применяет свое оружие на манер косаря, то ничего лучше не могло осуществить эту

воображаемую сцену, как производивееся тогда преследование. Поражение противника ужасом было достигнуто вполне: шашки, пули и картечь, обходили только женщин и детей, без жалости устилали путь трупами и испещряли пески кровавыми лужами Ужас текинцев выражался своеобразно и почетно в смысле военном: отступление их не было бегством под влиянием паники, а представляло разбросанную силу, вытесненную другою и потерявшую способность ко всякой активной обороне: часть текинцев на ходу **[78]** покорно принимали смерть, не выпуская оружия, а многие, дождавшись преследователей, поворачивались лицом к смерти и кидались в одиночный бой; без стона падали они и без признаков отчаяния отдавались страшной участи.

Во время преследования противника крепостные стены продолжали заниматься вашими войсками и даже были втянуты на артиллерийский обвал несколько орудий 4-й легкой батареи 20-й артиллерийской бригады, которые потом на лошадях передвинулись к кургану, занятому горными орудиями. **[79]**

VIII

Сцены в крепости по удаление противника. — Появление текинок и детей их из-под земли. — Торговля захваченным имуществом. — Возвращение частей, преследовавших неприятеля. — Генерал Скобелев благодарит войска. — Занятий крепости на ночь. — Несколько слов о настроении, в каком войска провели вечер. — Блистательная роль офицеров в бою и о понесенной ими значительной потере. — О честном исполнении текинцев обязанности защитников края. — 13-е января. — Оживленная картина сменяет мертвый вид на траншее. — Парад. — Несколько слов о генерале Скобелеве.

По удалении войск для преследования, сцены борьбы и смерти сменились картинами несравненно более миролюбивого характера: дозволение, данное войскам забирать все оставленное текинцами, заманило массу охотников; по всей площади укрепления густо заставленной кибитками, бистро шныряли солдаты целыми партиями, и по разным направлениям мирно двигались одиночные люди, навьюченные коврами и разными пригодными вещами; вереницы женщин и детей, буквально появлявшихся из-под земли, пестрели и разных местах своими цветными лохмотьями и, проходя мимо солдат, сквозь слезы произносили: «аман!.. аман!» — Им указывали пункт сбора, и они, трепеща за свою участь, отправлялись к группам женщин, охраняемым солдатами.

Обстреливая блиндированные ямы, наши стали вытаскивать оттуда все, что попадалось под руку, и в скором времени обширная внутренность крепости запестрела грудами хлопка, не оцепленного еще от плода, ненужною оборванною одеждою, шубами кошмами, одеялами всех цветов и другою разнородною рухлядью; лужи крови и трупы словно исчезли среди этих разноцветных ворохов. В скором времени некоторые женщины, по преимуществу пожилые, тоже присоединились к нашим солдатам; подхватывая и на свою долю одеяло, полушубок или коврик. Как-то скоро поняли они что им не угрожает смерть и что **[80]** насилие над женщинами у нас считается преступлением. Вежливое и даже предупредительное отношение офицеров, уморительно острые, но не оскорблявшая их шуточки солдат, приставленных для их охраны, быстро рассеивали их опасения.

Между тем горячая торговля закипала в разных местах: офицеры представляли собою центры, куда стаскивались все раздобытые вещи; сначала они были единственными покупателями. Главные предметы торговли составляли ковры,

серебряные убранства для лошадей и к женским костюмам, парадные мужские и женские халаты, шелковые матери туземного производства, ковровый попоны, чапраки (суконная, ковровая, меховая подстилка под конское седло, сверх потника. Прим. OCR), седла и т. п. Все это, конечно, продавалось очень дешево, но, не смотря на дешевизну, не было солдата, который бы в час не выручал около двадцати пяти рублей.

Приближался вечерь. В укреплении показались драгуны, возвратившиеся из преследования; перевязанные головы и руки некоторых из них показывали, как умирали отступавшие; появился наконец и генерал Скобелев; его искренняя благодарность войскам так и высказывала желание обнять каждого. «Вы, братцы, сделали сегодня славное, большие дело», говорил он, и верилось как самой истине: в его речах было столько радостной признательности, что не могла проскользнуть ни одна фальшивая, казенная нотка. «Рады стараться! отвечали ему солдаты, не выводя свой ответ из узкой рамки, установленной как единственное средство, дающее возможность говорить с массой, но в голосе и в глазах солдат выражалось воодушевление и готовность так же честно встретить все, что будет предстоять в неизвестном будущем, хотя бы занять другую такую же крепость.

Спускались непродолжительные, южные сумерки. Крепость начала пустеть: офицеры, сгоняя солдат в лагерь, понемногу стали удаляться за своими продавцами. Часть пехоты с полубатареи 3-й батареи 19-й артиллерийской бригады остались для охраны внутренности крепости; вершина же кургана была занята, кроме пехоты, еще двумя взводами 6-й горний батареи 21-й артиллерийской бригады, под начальством штабс-капитана Федорова и подпоручика Познанского; на ней же установлены были и два орудия, бывшие в руках текинцев. Сыграли зорю. Стемнело, и внутри стен Денгли-тепе, обставленных нашими часовыми, смолкло все, только за крепостью, в десятитысячной толпе женщин и детей, собранной в одно место, слышался детский плачь и **[81]** причитания взрослы, а изо рва за стеной близ обвала доносились тихие стоны: то был перевязочный пункт; фонари освещали окровавленных страдальцев, среди которых был медик Юльский от начала штурма работал, не вставая с колен.

Еще много текинцев, притаившихся и не отысканных днем, не шевелясь, с понятным нетерпением ждали конца дня, — и вот наступила желанная, безлунная, хотя безоблачная ночь и началась последняя игра на жизнь и смерть: немногим счастливцам удалось проскользнуть через стену в пески.

Как проведен был вечер рассказывать нечего; все были в

праздничном настроении. Это чувство солдаты определяют выражением: «точно из бани вышел, хорошо попарившись»; суровые сцены недавнего боя возбуждать такое настроение не могли, так как сами обыкновенно смягчаются в воображении участников, пирующих в кругу товарищей и находящихся в настроении обнять всякого. Вид бегущего противника, за минуту перед тем вырывавшего из рядов героев дня, рыцарская гордость победителя при очевидном доказательстве, что не удалось противнику устрашить его, вид многочисленных жертв неприятеля, удовлетворяющей за те жертвы, которыми оплачивалось усилие одолеть его, сознание, что победой этой возбуждена общая радость соотечественников, основанная на ожидании скорого удачного исхода войны, все это сливалось в одно впечатление — торжествующую гордость победителя, которую он испытывает под финальным громом орудийных выстрелов.

Проиграли текинцы свое дело… многочисленность не выручила их! Но в этом бою имя храбрых, имя героев заслужено павшими для всего своего племени; тяжелой жертвой покупалось нами все, что для них было дорого. Невиданный ими ад от артиллерийского огня и взрыв, заставил отважных защитников дрогнуть перед такими ужасами и значительную часть их оставить крепость ранее штурма, только и выручили нас из большой опасности. Неизвестно, то ли бы произошло, еслиб тысяч пятнадцать ушедших до боя остались в крепости и кинулись на помощь оборонявшим южный угол, которому угрожало всего около трех тысяч штыков а в рукопашном бою число войск играет огромную роль, и оно было не на нашей стороне. К счастью, половина оставшихся оказалась под силу нашей горсти героев, и текинцы, после упорного боя, сдали Денгли-тепе. **[82]**

Об отнятых у них трофеях говорить не буду, не до обороны их было текинцам: гибель массы их, около 8,000, очевидно оканчивала войну; для чего им было брать с собою наши орудия, к чему было тащить свое медное орудие, приспособленное к толстому бревну, служившему лафетом, укрепленным на сально погнутой оси, и брать с собою фальконеты, прикрепленные к деревянным рамам.

Число погибших текинцев трудно определить. Жандармский офицер, наблюдавший за закрытием трупов, насчитывал в одной крепости более 8,000, а сами текинцы насчитывают погибших товарищей за все время осады до 14,000 человек.

Еще не все проснулись 13-го января, как в отдалении, в стороне крепости, послышались залпы… «Это что такое?»

вырывался у каждого невольный вопрос; затем, многие из недоумевавших, подумавши, произносили: «Ах, да, не все счеты сведены с текинцами.»

Чудное, ясное утро осветило новую картину: не вчерашнее чистое мертвое поле с насыпями по всем направлениям, скрывавшими движение и оберегавшими жизнь атакующих, представлялось теперь, а оживленная площадь, по которой массы солдат, персиян и армян пеших и конных — двигались открыто в крепость и из крепости. Если в общечеловеческом вкусе картина эта, с прибавкою деталей, оставленных вчерашним упорным боем, должна казаться не особенно привлекательною, то нам, ставшим вчера свою жизнь всем случайностям, наоборот, она имела некоторую прелесть.

С некоторым удовольствием глядели мы в этот день на стены Денгли-тепе, на которые еще вчера смотреть открыто стоило жизни. Теперь они изображали только ограду, через которую свободно проходили тысячами наши аламанщики, навьючившись разным имуществом с какой-нибудь курицей или трасировавным ястребом наверху, а за нею другие тысячи разыскивали брошенные ценные вещи, пробираясь мимо хозяев, либо безжизненно глядящих на них, либо лежащих, с закрытыми глазами, точно не желая видеть, что происходит вокруг них. Все пространство между стеной крепости и Охотничьей калой было густо покрыто женщинами и детьми; тут только, при писке и плаче голодный и осиротелых малюток, что-то покалывало в сердце большинства любопытствующих **[83]** окружавших эту площадь. Еще не было десяти часов, как в разных местах послышались хоры военной музыки, и вслед за этим рота за ротой переходили обвал, как единственный проход, и направлялись к средней площади, расчищенной для предстоявшего парада.

Среди каре перед аналоем выстроились знамена, между которыми красовалось и отобранное от текинцев знамя 3-го батальона Апшеронского полка. За молебном последовала панихида об убитых на штурме, затем другая о погибших под этою крепостью в 1879 году. По окончании окропления войск святою водою, все ждали слова генерала Скобелева; войска нуждались в похвале любимого начальника — в его благодарности. Да и умел он с такою искренностью, с таким увлечением говорить свое спасибо, что любо было его слушать.

Правило генерала Скобелева знакомить начальников частей со всеми своими желаниями и целями в предстоящем бою не могло не приносить самые блестящее результаты и избавляло его самого от необходимости писать диспозиции с бесчисленными подробностями, а недозволение даже себе вмешиваться в

детальные распоряжения каждого из начальников развязывало всем руки, и все его диспозиции разыгрывались точно без малейшего замешательства.

Во время боя генерал Скобелев всегда зорко следил за всей линией, пущенной в бой, и малейшее начинание не ускользало от его внимания. В бою все начальники, действуя самостоятельно, чувствовали в то же время, что визжи в руках опытных, умеющих вовремя исправить каждую ошибку, и это сознание еще более развивало смелость в распоряжениях начальников, управлявших боем.

Скобелев говорил, что из отраднейших воспоминаний будет текинский поход, где он видел замечательно честное исполнение офицерами своей. Обязанности и идеальный порядок, что здесь осязательно, в первый раз, на деле убедился он в той пользе, какую может принести хорошая артиллерия и что предварительное обстреливание неприятельской позиции артиллериею не тактически фарс, созданный для запугивания противника, а может быть употреблено как фактическая подготовка для окончательного поражения неприятеля. Солдаты и офицеры поверили также, что, кроме той любви, которую он всегда питал к солдату, теперь, при **[84]** виде молодецкой его удали штурмуя Денгли-тепе, беспримерной бодрости, при почти сверхъестественных усилиях, копая траншеи и выстаивая ночи в ожидании нападения неприятеля, он с глубоким уважением кланяется ему.

Текст воспроизведен по изданию: Очерк боевой жизни Ахалтекинского отряда 1880–1881 гг. СПб. 1882

© текст — Гейнс А. К. 1882© сетевая версия — Thietmar. 2008 © OCR — Волков В. 2008© дизайн — Войтехович А. 2001